

Институт славяноведения РАН

**Кафедра славянских языков и культур факультета
иностраннных языков и регионоведения МГУ имени
М.В.Ломоносова**

**Кафедра истории южных и западных славян
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

**Институт славянской культуры
РГУ имени А.Н. Косыгин**

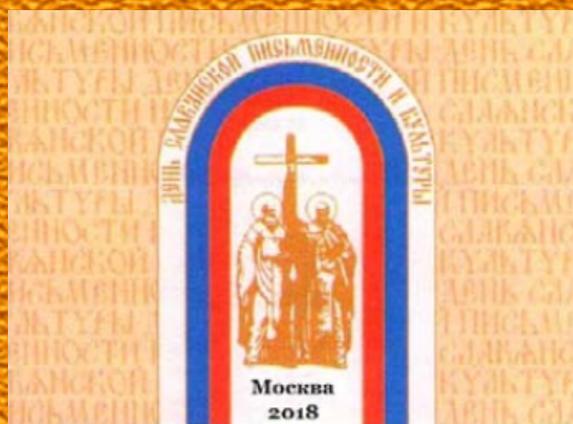

СЛАВИЯ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК

Студенческая научно-практическая конференция

Тезисы

**Москва
24 мая 2018**

Программный комитет:

Запольская Н.Н. – д.ф.н., зав. кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В.Ломоносова, в.н.с. Института славяноведения РАН

Матвеев Г.Ф. – д.и.н., проф., зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Узенёва Е.С. – к.ф.н., проф., заместитель директора Института славяноведения РАН, зав. кафедрой общей и славянской филологии Института славянской культуры РГУ имени А.Н. Косыгина

Организационный комитет:

Амелина А.В.,

Белоусова В.В.

Вучкович Е.С.

Гливинская В.Н.

Запека О.А.

Иванова И.Е.,

Платонова И.В.

Шапкина О.Н.

Славия: история, культура, язык. Студенческая научно-практическая конференция. Тезисы / Отв. ред. Запольская Н. Н. М., 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»	5
<i>Кищеркова А.</i> Богемистика в Университете Градец-Кралове.....	5
<i>Полякова М.</i> Motywy wyznaniowe oraz protonarodowościowe w ideologii Konfederacji Barskiej (1768–1772).....	8
<i>Киричу П.</i> Reflexe polskich zkušeností v koncepci T.G.Masaryka „o smyslu českých dějin“.....	9
<i>Кузьменков Д.</i> T. G. Masaryk a ruská inteligence: problémy interakce (1882-1917).....	11
<i>Белова Н.</i> Role M. F. Rajevského v rozvoji rusko-českých kulturních spojení.....	13
<i>Киекбаева К.</i> Přínos Josefa Kajetána Tyla do rozvoje české kultury národního obrození.....	14
<i>Рутковская Т.</i> Česká společnost v dílech Karla Havlíčka Borovského.....	17
<i>Луганская А.</i> Principy a rozpory vymezení hranic samostatného Československa.....	18
<i>Анхимюк М.</i> Spolupráce Česka se zeměmi Visegrádské skupiny v období eurointegrace.....	21
<i>Ланук Е.</i> Místo Ruska na denním pořádku veřejnoprávních médií v České Republice.....	23
<i>Исмаилова А.</i> Sémantické a stylistické funkce publikací o Rusku v časopise GEO Russia.	26
<i>Гольдина О.</i> Specifikum nominace domů v Londýně a Praze.....	28
<i>Левина П.</i> «Zbędni ludzie» w twórczości Bolesława Prusa.....	30
<i>Александрова С.</i> Polskie czasopisma kobiece w okresie międzywojennym (1918–1939).....	33
<i>Семакина Т.</i> Świat muzyczny Polski na początku XX wieku w ujęciu Karola Szymanowskiego.....	35
СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»	38
<i>Кучер Н.</i> Представа Руса о Србима и Срба о Русима током Велике источне кризе 1875-1878.....	38
<i>Калинина М.</i> Вук Караџић и Русија. Преписка В. Караџића са Русима као историјски извор.....	41
<i>Трей Т.</i> Значај Светоандрејске скупштине у српској историји.....	43
<i>Еремич Д.</i> Hrvatsko pitanje u BiH 1991-1995.....	45
<i>Подчасов Н.</i> Медийният резонанс върху визитата на патриарх Кирил в България по случай 140-та годишнина от Освобождението на страната от турско робство.....	48
<i>Евстафьев Н.</i> Динамика на повествованието в разказа на Елин Пелин «На оня свят» и в превода му на руски език.....	50

«Славия: история, культура, язык». Студенческая научно-практическая конференция
(Москва, 24 мая 2018)

<i>Бондаренко Т.</i> Глаголи на говорене и ситуативните им синоними в българския и руския художествен текст.....	53
<i>Зубкова А.</i> Способы образования феминитивов на материале русского и болгарского языков.....	56
<i>Грунина А.</i> Ономастическое пространство повести Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова».....	57
<i>Щербинина М.</i> Неолексикон В. Хлебникова: семантический и словообразовательный аспекты словотворчества в поэзии.....	59
<i>Дяттерева А.</i> Эмотивные смыслы и способы их репрезентации (на материале языка прозы Е. Гришковца).....	63
<i>Богачева А.</i> Методолошки приступ студији компаративне митологије према књизи М. Елијадеа "Мит о вечитом повратку".....	67
<i>Борискина Е.</i> Фројдова психоаналитичка теорија и порекло митова ("Тотем и Табу")..	69
<i>Журавлева А.</i> Символизам бројева код Дантеа Алигијерија.....	72
<i>Оленева Я.</i> Символическое изображение Иордана в иконографии Крещения – от византийских к древнерусским памятникам.....	74
<i>Миц М., Маркелов Г.</i> Трансформация и интерпретация христианских образов и мотивов в русском искусстве конца XX-го – начале XXI веков.....	79
<i>Васильева Д.</i> Художественные особенности церковных изданий начала XX века в собрании Музея славянских культур ИСК. История создания и бытование акафиста богоматери «Казанская» (изд 1914 г.).....	83
<i>Швец А.</i> Особенности костюма старообрядцев Молдовы.....	85
<i>Бочарова А.</i> Место русской национальной оперы «Иван Сусанин» в контексте культуры XIX-XX вв.....	87
<i>Войшко Н.</i> Русские народные традиции в советской фильмографии 1960-х годов.....	92
<i>Москальчук Д.</i> К вопросу о предпосылках появления югославской модели социализма.....	95

СЕКЦИЯ «ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Kišerková Alexandra

*(Университет Градец-Кралове, Педагогический факультет
Чехия, Градец-Кралове)*

Богемистика в Университете Градец-Кралове

Чешский Университет Градец-Кралове состоит из пяти факультетов: педагогического, философского, природоведческого, факультета информатики и менеджмента, а также Института социальной работы. Надо отметить, что только на педагогическом факультете учатся очно или заочно 3 000 студентов по программам бакалавриата, магистратуры и в аспирантуре. Кроме того, 1 700 студентов посещают программы непрерывного образования.

Кафедра чешского языка и литературы педагогического факультета, которая выпускает будущих богемистов и преподавателей чешского языка, предлагает образовательные программы бакалавриата и магистратуры. В рамках бакалаврской программы можно получить следующие специальности: «Чешский язык и литература со специализацией преподавание», «Языковая и литературная культура» и «Литературная документалистика и теория чтения». После окончания бакалавриата можно поступить в интегрированную магистратуру, в которую входят следующие специальности: «Чешский язык и литература для учителей 6-9 классов» и «Чешский язык и литература для преподавателей 10-13 классов».

Педагогические кадры кафедры чешского языка и литературы представляют знаменитые лингвисты и теоретики литературы. К самым значимым чешским лингвистам нашего времени относится доктор педагогики и философии Иржи Земан, занимающийся,

фонетикой, фонологией и вербальными средствами речи. На кафедре также читает лекции и ведет семинарские занятия доктор педагогики и философии Мирослав Вондрачек, соавтор «Академической грамматики чешского литературного языка». Также нельзя не отметить работу доктора педагогики и философии Лукаша Забранского, специалиста по славистике, прежде всего по старославянскому языку. В настоящее время лингвисты кафедры чешского языка и литературы развивают тесное сотрудничество с Институтом чешского языка Академии наук Чешской республики, а также с Философским факультетом Карлова университета.

Литературно-научным исследованием занимается доцент Алена Захова, заведующая кафедрой, специалист по мировой литературе и гендерной проблематике. Лекции по чешской литературе XX века и по теории литературной критики читает знаменитый профессор по истории славянских литератур и чешский поэт Владимир Крживанек. Историей чешской литературы далее занимается доцент Божена Планска, специалист по древней чешской литературе и доктор педагогики и философии Нелла Млсова, специалист по психологической прозе и влиянию Италии на чешских писателей XX века.

Кафедра также создает и поддерживает проекты по развитию детского и юношеского чтения. Этой темой занимается доктор философии Петра Бубеничкова и магистр Жанета Гебелова, которые развивают сотрудничество с «Учебной и научной библиотекой Градец-Кралове» а также с «Библиотекой города Градец-Кралове».

Деятельность кафедры Чешского языка и литературы не ограничивается только лекциями и семинарскими занятиями. Кафедра также организует встречи и авторские чтения с писателями и переводчиками. Кроме того, для студентов и всех желающих профессора Института истории философского факультета читают

лекции по истории. В этом Институте работает «Студенческий исторический клуб», члены которого организуют конференции, лекции, а также мастер-классы для учеников и школьников.

Кафедра чешского языка и литературы поддерживает заграничные стажировки студентов и педагогов. Отдел международного сотрудничества педагогического факультета Университета Градец-Кралове, который занимается этой деятельностью, предлагает своим студентам и педагогам стажировки в Европу и по всему миру. Для студентов кафедры чешского языка стажировки являются педагогической практикой, на которой они занимаются преподаванием чешского языка как иностранного. Университет Градец-Кралове предлагает студентам кафедры чешского языка и литературы педагогическую практику в университетах в Российской Федерации (Институт гуманитарного образования и информационных технологий, Москва) и в Китае (Zhejiang Wanli University). Кроме того, университет поддерживает стажировки студентов в разных образовательных учреждениях, в том числе в «Чешской школе Комениус» (Великобритания), «Чешской школе без границ» (Бельгия, Франция, Германия, Швейцария, Великобритания) и в «Чешском центре при посольстве ЧР» (по всему миру).

Преподаванием чешского языка как иностранного занимается Центр языковой подготовки философского факультета Университета Градец-Кралове, преподаватели которого читают лекции для иностранных студентов на английском или испанском языках.

Полякова Мария

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Motywy wyznaniowe oraz protonarodowościowe w ideologii Konfederacji Barskiej (1768–1772)

Konfederacja Barska to był zbrojny związek szlachty polskiej, utworzony w Barze na Podolu 29 lutego 1768 roku z zaprzysiężeniem aktu założycielskiego w obronie wiary katolickiej i niepodległości Rzeczypospolitej. Skierowany był przeciwko: kurateli Imperium Rosyjskiego, królowi Stanisławowi Augustowi Poniatowskiemu i popierającym go wojskom rosyjskim. Celem konfederacji zostało zniesienie ustaw narzuconych przez Rosję, a zwłaszcza tych dających równouprawnienie innowiercom.

Szereg badawców uważa że konfederacja Barska to było pierwsze polskie powstanie narodowe. Dlatego celem mojej pracy jest wyjaśnienie, czy w tekstach kultury polskiej połowy XVIII wieku jest wyrażona świadomość narodowa, czy Polacy w tym czasie myśleli w kategoriach etnicznych. Oprócz tego chciałam zbadać, jak świadomość etniczna współgrała ze świadomością wyznaniową.

Przedmiotem mojej pracy została świadomość szlachty, która brała udział w konfederacji Barskiej. Możemy widzieć to w tekstach konfederacji – manifestach, uniwersałach, listach, pieśniach religijnych, pamiętnikach. Na podstawie tych tekstów sprawdzam hipotezę o tym, że świadomość narodowościowa jest sprzeczna ze świadomością wyznaniową.

- Do tych źródeł miałam następujące pytania:
- Co oznaczają określenia „naród polski” i „naród katolicki”?
- Jak korelują ze sobą te określenia?
- Jak współdziałają motywy wyznaniowe i protonarodowościowe?

- Czy istnieje sprzeczność między "katolickim" a "protonarodowościowym"?

Wyniki mojego badania: a) W Polsce XVIII wieku istniał obraz Polaków jako społeczeństwa etnicznego ze swoją historią i państwem; б) Definicja „naród polski” ma dwa znaczenia – 1) naród szlachecki, który składa się z Polaków (nie z sarmatów jak dawniej), broni Polski i ma szlachecką "złotą wolność"; 2) cały naród, który składa się z różnych stanów – szlachta, duchowieństwo, mieszczaństwo i być może chłopcy; в) Sprzeczność polega na tym, że określenie "naród polski" jednocześnie oznacza społeczeństwo katolickie (w skład którego nie wchodzi protestanci, prawosławni i żydzi).

Кирчу Павел

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Reflexe polských zkušeností v koncepci T.G.Masaryka „o smyslu českých dějin“

V knize "Česká otázka" Tomáš Masaryk nevěnuje Polákům velkou pozornost, a to je pochopitelné. Ale některé pasáže té knihy působí dojmem, že Masaryk posuzuje Poláky skepticky. A kontext, ve kterém se autor dotýká polského zážitku, umožňuje lepší porozumění "české otázky". Nejprve píše Masaryk, že "Havlíček první z Čechů poznal skutečné Rusko a Polsko" [Masaryk 1895: 134]. Je známo, že Havlíček je posledním naivním rusofilem v Česku. Ale když Masaryk ve svém dílu spolu s Ruskem zmínil i Polsko, to se již může pokládat za známku.

Později, když Masaryk psal o boji českého lidu za existenci na Bílé Hoře, udělal odkaz na revoluci 1848 a kromě toho i na polské povstání, co je divné. A "to všecko nutí myslícího Čecha k rozhodnutí: násilně nebo smírně, mečem nebo pluhem, krví nebo prací v potu tváře, smrtí nebo

životem?" [Masaryk 1895: 148] Samozřejmě, odpověď "českého genia", smysl českých dějin a závěti předků jsou pro Masaryka život a práce.

A to všechno je součástí polemiky Masaryka s radikály, stejně jako celé polské téma. Dále se dokonce postaví proti fatalistickému nadšení táboritů a "to polská exaltace, jakou Mickiewicz velebí" [Masaryk 1895: 214]. A nakonec se Masaryk odkazuje na Poláky, když píše o nenávistném roce 1487: "A podivno stáří se tak musilo za krále z Polska... Šlechta vedla si také podobně jako polská" [Masaryk 1895: 221].

Tvrzení o rozdílu mezi českým a polským historickým "modelem přežití" vypadá jednoduše: polský "národní revolucionismus" a česká "morální politika" [Павленко 1997: 55]. Ale když o tom psal Masaryk, "morální politika" ještě nebyla konečně uznána jako projev českého národního charakteru. A Masaryk konečně potvrdil tento stav věcí.

Proto apeluje na příklad Poláků, polemizuje s českými radikály. A všechny kontexty, ve kterých se zmiňují Poláci jsou těsně propojené. Především, Masaryk začíná a končí Havlíčkem, vždyť Havlíček nejplněji teoretizoval umírněnost a legitimní odpor [Masaryk 1904: 140]. A tato pozice je proti polské povstalecké pozici. Dále, z kontextu je zřejmé, že polské povstání je podobné Bílé hoře, příčinou které je nedostatek osvícení ducha [Masaryk 1895: 149-150]. Opak tomu z historického hlediska je české národní obrození. "Exaltace" je určitě radikalismem. Masaryk odsuzuje touhu po násilném boji. Myslí, že tajemné společnosti a agresivní revoluce vedou k prospěchářství a hladu po moci. A to je podobné Masarykově kritice české šlechty. Staví pojem "čest" proti "lidskosti". "Čest" je lehkovážná a může přivést k r.1487. Proto odpověď "českého genia" je práce, lidskost a legální odpor. A právě na těchto koncepcích Masaryk buduje vlastní interpretaci národní taktiky.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павленко 1997 – Павленко О. В. Концепция «нравственной политики» в чешском движении в XIX – начале XX вв. // Австро-

Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика: (сборник статей). М., 1997. – 318 с.

2. Masaryk 1895 – *Masaryk T. G. Česká otázka. Snahy a tužby národního obrození*. Praha. 1895. – 246 s.
 3. Masaryk 1904 – *Masaryk T. G. Karel Havlíček. Snahy a tužby politického probuzení*. Praha. 1904. – 524 s.
-

Кузьменков Данила

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

T. G. Masaryk a ruská inteligence: problémy interakce (1882-1917)

Cílem práce je představit Masarykovy vztahy s ruským intelektuálním prostředím. Hlavním zdrojem práce je Masarykova obchodní korespondence s ruskou inteligencí. Korespondence je představena ve sbírce *Korespondence. T. G. Masaryk a Slované*. Její sestavitelem je Vratislav Doubek, profesor Karlovy univerzity v Praze. Ta sbírka má vědecký charakter. Všechny zdroje jsou reprezentativní – pomohli nám odhalit jádro problému.

Výzkum se zaměřuje na analýzu problematiky přijetí a osobnosti vědeckých a politických aktivit českého politika, filozofa a sociologa T. G. Masaryka v Rusku od roku 1882 do začátku občanské války. Autor ve svém pojednání stanovil základní etapy procesu ruského vnímání Masaryka jako vědce a politika. Taky jsem zmínil všechny Masarykovy návštěvy Ruské říše. Přitom byly zdůrazněny i jisté proměny hodnocení českého profesora.

Sporná teze moderní historiografie, že Masaryk byl v Rusku zcela neznámý, je v práci popřena: tak třeba psal český historik Jaroslav Opat v monografii «Filozof a politika T. G. Masaryk. 1882-1893». Například L. N.

Tolstoj si brzy všiml jedinečného šarmu a duševní spřízněnosti Masarykovy osobnosti a hodnotil jej jako významného sociologa.

Masaryk navázal komunikaci s mnoha ruskými vědci, v první řadě se sociology. Ruské dobové práce vyzdvihovaly důležitost Masarykovy realistické koncepce, včetně teorie nového kvasu v životě českého národa.

Prozkoumání uvádí následující stadia přijetí Masaryka v Rusku: od konce 80. let 19. století do roku 1900, 1900-1907, 1907-1914, poté je charakterizována náplň těchto jednotlivých etap. V souvislosti s Masarykovým příjezdem do Ruska v roce 1910 vzrostlo jeho uznání jako vědce. Výsledkem této návštěvy bylo mj. dokončení Masarykovy práce na díle „Rusko a Evropa“. Autorovi článku se podařilo zjistit, že se Masaryk snažil obejít tehdejší ruskou cenzuru pokusem o vydání své práce „Rusko a Evropa“ v nakladatelství radikálně levicového zaměření. Text zároveň seznamuje s některými podrobnostmi vztahujícími se k reakci na vydání Masarykovy knihy v ruštině z roku 1914.

Metodologicky základ výzkumu se opírá o objektivně-historický přístup a o princip historismu. Struktura práce se zakládá na problémově-chronologickém principu.

Kromě obchodní korespondence jsem používal rusko-české periodikum, třeba „Čas“ atd. Tyto zdroje odhalily jádro druhého problému mé bakalářské práce – politické vztahy Masaryka a ruského intelektuálního prostředí. Masaryk svou analýzou politického procesu v Rusku a taky v Rakousko-Uhersku, třeba rusko-polské problematiky, přitáhl pozornost ruských intelektuálů.

Na závěr bych chtěl říct, že Česko-ruská vědecká komunikace se aktivně vyvinula na konci 19. a začátku 20. století, byla široká a různorodá. Ruští vědci pomohli Masarykovi při napsání jeho důležitých vědeckých prací, např. Rusko a Evropa. Koncem první světové války se česká otázka široce posuzovala v Rusku. To byla Masarykova zásluha. Taky Rusko pomohlo Masarykovi při řešení české otázky ve světě.

Белова Наталья

(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)

Role M. F. Rajevského v rozvoji rusko-českých kulturních spojení

V XIX. století se aktivně rozvíjely kulturní spojení mezi Ruskem a Slovany Rakouského císařství a Osmanské říše. Michail Feodorovič Raevský víc než 40 let byl představeným ruského chrámu ve Vídni a plnil funkci zprostředkovatele mezi Ruskem a Slovany. M. F. Rajevský hrál velkou roli v rozvoji rusko-českých kulturních spojení.

Cílem výzkumu je zanalyzovat roli M. F. Rajevského v rozvoji rusko-českých kulturních spojení. Úkoly výzkumu jsou: rozebrat vztah Rajevského k Čechům a Čechů k Rajevskému, prozkoumat roli Rajevského v rozvoji rusko-českých kulturních a vědeckých spojení, prostudovat roli Michaila Feodoroviče v založení pravoslavné církve v Praze.

Výzkum se dotýká období 1842 – 1884, tedy roků služby M. F. Raevského ve Vídni.

Aktuálnost výzkumu spočívá v tom, že činnost M. F. Raevského napomáhala rozvoji a rozšíření rusko-slovanských kontaktů, které předtím byly docela omezené. Důležitost tohoto výzkumu spočívá také v tom, že kontakty Raevského se západními Slovany jsou zkoumány méně, než s jižními.

Základem této práce je osobní korespondence M. F. Rajevského a jeho publicistické psaní. Rajevský se dopisoval s mnoha slovanskými činiteli včetně Václava Hanky, který měl vztahy s ruskými vědci a veřejnými činiteli, znal Pavla Josefa Šafaříka, Františka Palackého, Františka Ladislava Riegera, Julia Grégra. Je důležité, že mezi jeho dopisovateli byli činitelé úplně různých názorů, zástupci různých politických proudů.

Z publicistických psaní M. F. Rajevského bylo použito «Slovo k Slovanům v den oslavy tisíciletí příchodu Konstantina a Metoděje do země slovanské». V «Slovu» se odrážejí hlavní názory Rajevského.

Výzkumy v rámci této práce přivedly k několika závěrům. Za první, M. F. Rajevsky hrál velkou roli v rozvoji rusko-českých kulturních spojení. I když kontakty mezi ruskými a českými činiteli začali vznikat ještě před příjezdem otce Michaila do Vídně, Rajevský přispěl k jejich rozšíření a zařazení do nich širších vrstev české a ruské společnosti. Činnost M. F. Rajevského je velmi různorodá: přispěl k vývoji informačních spojení, spolupráci v oblasti vzdělání, popularizaci znalostí o Slovanech. Je velká i jeho role v organizaci Etnografické výstavy v Moskvě, která přispěla k růstu zájmu Slovanů o Rusko, a také v organizaci pravoslavné církve v Praze.

Politické vztahy Ruska a Čechů byly složité, ale otec Michail vždy uhýbal politice a jednal jenom v kulturní oblasti. Jeho snem byla duchovní jednota Slovanů.

Ten sen, samozřejmě, byl nespelnitelný za podmínek různých zájmů, různých náboženských příslušností, různých směrů vývoje slovanských národů. A proto otec Michail postupně se zklamal v Češích, když uviděl jejich pragmatismus ve vztahu k Rusku a pravoslavné církvi.

Je důležité, že M. F. Rajevsky byl moc populární a ctěný mezi Slovany, dokonce občas přeháněli jeho možnosti.

Киекбаева Карина

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Přínos Josefa Kajetána Tyla do rozvoje české kultury národního obrození

Národní obrození – složitý a dlouhý proces, který se podmíněně dělí na několik dob. Každá doba má nejen své vlastní charakteristiky, ale také

to, že se spojí s jinými dobami. Jedním z nejnápadnějších rysů národního obrození u Čechů v průběhu všech dob je rychlý rozvoj svébytné, vlastní, osobité kultury.

Každá etapa českého národního obrození je známá svými umělci kultury. V této práci naše hlavní pozornost bude věnována Josefu Kajetánu Tylu, který byl prozaikem, dramatikem, hercem, novinářem, překladatelem a je oprávněně považován za jednoho z nejprogresivnějších, velkých a významných umělců české kultury národního obrození. Cílem naší práce je určit prostřednictvím analýzy námi vybraných pramenů a odborné literatury, jakou roli hraje tvorba Tyla v rozvoji kultury českého obrození.

Pro dosažení toho cíle musíme splnit následující úkoly:

- stručně charakterizovat české národní obrození jako proces;
- prozkoumat biografii Josefa Kajetána Tyla jako umělce kultury národního obrození;
- komplexně zanalyzovat tvůrčí dědictví, které zanechal Tyl.

Hlavní prameny této práce jsou díla, která Josef Tyl napsal v letech 1830-1840.

Všechny použité námi prameny mají neformální charakter a jsou prameny osobního původu. Podmíněně je můžeme rozdělit na dvě skupiny – umělecké a publicistické.

Do skupiny uměleckých pramenů zahrnujeme povídky a hry, napsané Tylem, a do skupiny publicistických – články a poznámky.

Takže, v průběhu práci jsme analyzovali následující povídky Tyla: "Večer na Barvířském ostrově" (1834), "Ředitel divadla" (1842), "Starý flašinetář" (1845), "Ze života chudých" (1846) aj.

Proč jsme si vybrali pro analýzu právě tyto povídky? To se vysvětluje především tím, že v nich Tyl přistupuje k problematice moderní společnosti. Právě v těchto dílech se poprvé v české literatuře objevují

postavy chudých lidí – jsou to dělníci, řemeslníci, služky, a taky obrazy ze života českých vesnic a měst.

Také jsme analyzovali tři hry: "Fidlovačka aneb Žádný hněv a žádná rvačka" (1834), "Krvavý soud aneb Kutnohorští havíři" (1847) a "Strakonický dudák aneb Hody divých žen" (1847).

Všechny hry, vybrané námi pro analýzu, doplňují naše představy o rozmanitosti tvorby Tyla, a také nám pomáhají vytvořit obraz Tyla-dramatika. Kromě toho, všechny hry jasným způsobem ukazují, v čem spočívá inovace Tyla jako dramatika.

Publicistické prameny jsou články a poznámky, které Tyl napsal pro různé časopisy. Takže, v této práci jsme důsledně a komplexně posoudili umělecké a publicistické dědictví Tyla. K jakým hlavním závěrům jsme dospěli?

Za prvé, Josef Kajetán Tyl je zakladatel české prózy nové doby, v níž je hlavní pozornost věnována problematice moderní skutečnosti. Tyl nastolil témata sociální nerovnosti a sociální nespravedlnosti, zmapoval cestu pro další vývoj české literatury a stal se taky jedním ze zakladatelů realismu.

Za druhé, můžeme oprávněně nazvat Josefa Kajetána Tyla zakladatelem české divadelní kritiky. Ve svých člancích zformuloval, v čem je její hlavní cíl: nejen vylepšovat umění, ale být mostem mezi tím, kdo vytváří kulturu, a tím, kdo ji vnímá. Kritika, podle Tyla, pomáhá obyčejnému člověku pochopit, procítit a milovat umění.

Za třetí, Jozef Tyl významně rozšířil repertoár českého národního divadla, zanechal ohromné dramatické dědictví a vytvořil takové žánry her, jako historické drama a hra-pohádka.

Tedy můžeme konstatovat, že různostranná a různorodá činnost Tyla měla velký vliv nejen na literaturu, novinářství a dramaturgii

národního obrození, ale do značné míry ovlivnila rozvoj české kultury toho období.

Рутковская Татьяна

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Česká společnost v dílech Karla Havlíčka Borovského

Toto období je delikátní v historii nejen České republiky, ale i celé Evropy. Národní hnutí v České republice, které začalo na konci XVIII. století, nabývá v tomto období politické povahy. Za těchto podmínek stoupá role publicistiky a literatury.

Cílem práce je prozkoumat názory Karla Havlíčka Borovského na českou společnost, porovnat jeho vnímání české a ruské společnosti. Z toho cíle vyplývají následující úkoly: za prvé, prozkoumat životopis básníka, abychom měli možnost vysvětlit důvody jeho činnosti, vysvětlit, proč se drží určitých zásad, a také odůvodnit, nakolik je hodnověrný jeho názor na ten či onen předmět. Za druhé, na základě děl Borovského odlišit hlavní objekty jeho kritiky, prozkoumat jejich vnímání básníkem a upozornit na základní rysy, které básník odsuzuje. Pro jasné pochopení podstaty těch či jiných rozhodnutí autora bude užitečné uchýlit k porovnání vnímání Borovským rakouských a ruských realit. A konečně, za třetí, pokusit se odhalit hlavní hrdinu děl Borovského, ale také vyšetřit roli obrazu vytvořeného spisovatelem.

Časovým rámcem výzkumu je doba života Karla Havlíčka Borovského: od r. 1821 do r.1856. Hlavní pozornost je věnována samozřejmě období jeho tvorby (1840-1850).

Důležitost tohoto problému spočívá v tom, že tvorba Borovského, prvního českého realisty a zakladatele české satiry, je prvním pokusem o analýzu rakouské a české společnosti zevnitř. Druhým aspektem je jeho

cestování do Ruska, které umožňuje porovnat jeho vnímání a pohlédnout očima cizinců na Rusko.

Zdrojovým základem této práce jsou básně, epigramy a články Borovského.

Rané básně Borovského začátku roku 1840 mají sentimentálně-lyrický charakter, ale během cesty do Ruska v roce 1843 v díle Havlíčka nastala změna, a Havlíček se dal na satirický žánr. Existuje názor, že cesta do Ruska a seznámení s Puškinem přispěly k rozkvětu epigramatické tvorby Borovského. Pozoruhodné je, že většinu epigram Borovský napsal v Rusku.

Epigramy Borovského jsou velmi aktuální, v nich autor věnuje pozornost neřestem absolutistické moci, katolické církvi, policii a byrokracii. V dílech Havlíčka jsou jasně označeny objekty jeho kritiky: králové, ministři, klér a úředníci.

Během svého vyhnanství v tyrolském městě Brixen Borovský píše jedno ze svých nejvýraznějších děl: v roce 1852 jsou vytvořeny «Tyrolské elegie», v 1854 vzniká «Král Lavra», a v práci na básni «Křest Svatého Vladimíra» básník pokračoval od roku 1848 až do posledních let života.

Луганская Анна

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Principy a rozpory vymezení hranic samostatného Československa

Vymezení hranic Československé republiky se konalo na Pařížské mírové konferenci (1919) a bylo jedním z nejdůležitějších úkolů, které měla Praha řešit v prvních poválečných letech. Ve své činnosti se českoslovenští ideologové spoléhali na tradiční pojetí českého historického práva a myšlenku na přirozené právo národů na sebeurčení.

Pokud jde o první zásadu, práci hlavního českého diplomata, ministra zahraničí Edvarda Beneše usnadnila skutečnost, že Francie v první světové válce uznala právo Čech na historické hranice [Československo...: 62]. Druhý princip byl zařazen do program conference americkým prezidentem Woodrowem Wilsonem a je podporován všemi pravomocemi dohody.

Na základě práva na sebeurčení stát se zaručeným úspěchem měl zahrnovat Slovensko. Hlavním důvodem byl concept «čechoslovákismu», na jehož základě jeden československý národ byl historicky rozdělen na české a slovenské odvětví [Серапионова 2007: 95]. Podkarpatská Rus take nezpůsobila příliš mnoho diskusí: rusínští politici vyjádřili svůj souhlas k vstupu do Československa [Там же: 95].

Hlavní rozhodnutí konference o vymezení hranic byla přijata poměrně rychle ve prospěch československých delegátů. Nicméně, některé otázky, týkající se oblastí s vysokou koncentrací maďarské, německé, polské populace, vedly k kontroverzním diskusím mezi zástupci velmocí. Právo na sebeurčení nefungovalo ve vztahu k těmto zemím. Kromě toho, některé požadované hranice by nemohly být někdy ospravedlnovány historicky. Takže v arzenálu československých politiků se objevil třetí princip – ekonomická potřeba.

Jedním z nejdůležitějších úkolů delegace bylo přilákat na svou stranu USA, které měly, podle dopisu člena delegace a premiéra Karla Kramáře prezidentu Československa Tomáši Garrigovi Masarykovi, «úžasný vliv» [Masaryk 2005: 309]. V dopise Benešovi ze dne 5.ledna 1919 Masaryk zdůraznil potřebu přesvědčit americké delegáty prostřednictvím ekonomických argumentů, poukazuje na skutečnost, že pro Američany jsou etnografické a historické argument příliš abstraktní [Masaryk 1993-1994: 147-148].

Delegáti využili rady T.G. Masaryka: opírající se o ekonomické styky mezi částmi regionu, získala Československá republika nejen původní

historické území, ale i další území v německých regionech: Eger (Heb), Rumburk a Ratibor. Slovenské území s převahou maďarského obyvatelstva bylo také zahrnuto do struktury Československé republiky pod záminkou zachování integrity komplexů zemědělství, průmyslu a komunikací.

Ze vzpomínek účastníků konference, zástupci Velké Británie vyjádřili své znepokojení nad schopností Československa spolupracovat s velkým počtem představitelů národnostních menšin, které se staly součástí státu pod záminkou ekonomické nutnosti a obnovení národní nebo historické "spravedlnosti" [Никольсон 1945: 217], [Irmanova 2006: 131]. Nemohli však ovlivnit společné rozhodnutí a většina sporných území se stala součástí Československé republiky.

Na konferenci tedy došlo k nemožnosti přesného uplatnění zásady národního sebeurčení. K idealistickým nápadům bylo přidáno neustálé prozkoumání strategických zájmů [Чехия и Словакия...: 95-96], [Irmanova 2006: 127]. Politici Československa dosáhli svých cílů, ale výsledky této změny vedly k tomu, že "Evropa národních států" se ve skutečnosti stala "Evropou národnostních menšin" [Соломон 2011]: na území bývalého rakousko-uherského státu byly vytvořeny státy, které sjednotily různé národy a etnické skupiny a měly vzájemné územní nároky.

ЛИТЕРАТУРА

1. Československo – Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Sv. 1, Dok. 6. 390 s.
2. Irmanova 2006 – *Irmanova E.* Pařížská mírová konference 1919 a požadavky vůči Maďarsku // *Z dějin visegrádského prostoru – Richardu Pražákovi k pětasedmdesátinám.* – Brno, 2006.
3. Masaryk 1993-1994 – *Masaryk T. G., Beneš Ed.* Vzájemná neoficiální korespondence T.G. Masaryka s Eduardem Benešem z

- doby pařížských mírových jednání - (říjen 1918 – prosinec 1919). – Praha, 1993–1994.
4. Masaryk 2005 – *Masaryk T. G., Kramář K.* Korespondence. – Praha, 2005.
 5. Никольсон 1945 – *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945
 6. Серапионова 2007 – *Серапионова Е. П.* Чехословацкий вопрос на Парижской мирной конференции // Восточная Европа после Версаля: (по материалам научной конференции «Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. и вопросы урегулирования отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Становление Версальской системы на востоке Европы», 2004 г., Москва). – СПб., 2007. – С. 90-108.
 7. Соломон 2011 – *Соломон Ф.* Европа национальных государств против Европы национальных меньшинств // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919-1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 17-34.
 8. Чехия и Словакия – Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. – Кн. 1. – М., 2005.

Анхимюк Мстислав

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Spolupráce Česka se zeměmi Visegrádské skupiny v období eurointegrace

Visegrádská skupina je volné sdružení států střední Evropy (Česká republika, Maďarsko, Polsko a Slovensko) založené 15. února 1991 ve Visegrádu, kde byla prezidenty Československa, Maďarska a Polska

podepsána «Deklarace o vzájemné spolupráci na cestě evropské integrace». Strategickými cíli skupiny bylo vyplnění bezpečnostně-ekonomického vaku, které v regionu vzniklo v důsledku zásadních mezinárodních politických změn na konci 80. let 20. století, obnovení státní suverenity, demokracie a svobody, likvidace všech existujících společenských, ekonomických a hodnotových pozůstatků totalitního systému, vybudování parlamentní demokracie, moderního právního státu a vytvoření a praktická implementace tržní ekonomiky. Významným motivem byl i záměr koordinovat společné aktivity v oblasti integračních procesů ve vztahu k NATO a EU.

Práce sleduje genezi Visegrádské skupiny, včetně několika fází její existence – od jejího vzniku v roce 1991, přes počáteční periodu rozvoje vzájemných vztahů, která trvala do roku 1992, následovaná faktickým zmrazením visegrádské spolupráce v letech 1993-1998 až po znovuobnovení visegrádské spolupráce v průběhu roku 1998. Navíc se analyzuje splnění některých strategických cílů uskupení, a to v oblasti zajištění stability a bezpečnosti v regionu střední Evropy.

Z hlediska aktuálnosti si musíme všimnout, že, zaprvé, po studování sekundárních zdrojů je možné konstatovat, že tato práce zkoumá problematiku, která nebyla v komplexní podobě doposud v takové šíři zpracována. Zadruhé, eurointegrace V4 doposud není plnou měrou ukončena, co znamená, že dané téma je nyní aktuální.

Hlavní problematika práce je v tom, že proces vstupu všech čtyř zemí do NATO a EU byl nejednoznačný. Daná práce uspořádá tento proces pomocí chronologické a komparativní metod a různých zdrojů v angličtině, češtině a ruštině.

Za nejúspěšnější výsledek spolupráce Česka s visegrádskými partnery v kontextu integrace do EU lze považovat zřízení Středoevropského sdružení volného obchodu (CEFTA), které usnadnilo vytvoření zóny volného obchodu a společného celního prostoru mezi čtyřmi

státy a připravilo je ke vstupu na společný trh EU. Přistoupení visegrádských zemí do NATO bylo umožněno intenzivními vojenskými reformami, jejichž cílem bylo spojit ozbrojené síly visegrádských zemí s kritérii NATO. Úzká spolupráce se Severoatlantickou radou pro spolupráci a aktivní účast České republiky, Maďarska, Polska a Slovenska v programu NATO «Partnerství za mír» přispěla také k přijetí těchto zemí do Organizace Severoatlantické smlouvy.

Udělána práce má následující základní závěry. Spolupráce čtyř zemí v rámci Visegrádské skupiny pravděpodobně nehrála vedoucí roli v procesu vstoupení visegrádských zemí do Organizace Severoatlantické smlouvy a Evropské unie. To potvrzuje i fakt, že Visegrádská skupina neměla po celou dobu své existence stálých ústavů, například sekretariátů nebo rady. Jedinou stálou institucí v rámci struktur Visegrádské skupiny je Mezinárodní visegrádský fond, který byl založen v roce 2000. Jeho úkolem je podpora rozvoje spolupráce v kulturní, vědecké, výzkumné a vzdělávací oblasti, podpora přeshraniční spolupráce a rozvoj občanské společnosti. Může být však považováno za úspěch založení ročního předsednictví v rámci Visegrádské skupiny. Navíc, od roku 1999 každý rok se konají setkání prezidentů a dva summity předsedů vlád. Postupně se vyprofilovaly i další platformy vzájemné kooperace – na úrovni ministerstev, parlamentů a ostatních expertů.

Лапук Екатерина

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики
Россия, Москва)*

Místo Ruska na denním pořádku veřejnoprávních médií v České Republice

Rusko se často objeví na denním pořádku českých médií. Podle výzkumníků, hlavní důvod je v tom, že Rusko má potenciál a reálné

možnosti ovlivnit ČR a její bezpečnost nebo stabilitu [Пророк 2013: 54]. V tomto příspěvku jde o veřejnoprávní televizi, konkrétně o televizní kanál *Česká televize 1*.

Zkoumání televizních zpravodajských materiálů představuje vědecký zájem, protože vysílání aktuálních zpráv má na publikum největší vliv ze všech typů médií. Zvláště jasně se to projevuje v materiálech, věnovaných mezinárodním tématům, protože se v tomto segmentu tradičně odráží názor státu na světové problémy.

Toto téma je aktuální, protože Česká Republika je jeden z klíčových potenciálních ekonomických partnerů v Evropské Unii pro Rusko. Posílení diplomatických vztahů je docela důležité pro naše země. Také moje téma je málo prozkoumané v ruských zdrojích. V podstatě ruští vědci popisovali a analyzovali české hromadné sdělovací prostředky jen do roku 1991.

Cíl mé práce je vysvětlit, jak *Česká televize 1* líčí naši zemi ve svých informacích. Předmětem studia se stal informační program *Události*, který se vysílá denně v 19:00 (přenos trvá 48-50 minut).

Základní materiály jsou články K. Gadjiev («Image Ruska očima Západu. Historické odbočky»), S. Ryzhova («Občanská a etnická identita a image požadovaného státu v Rusku»), V. Prorok («Obraz Ruska v názorech české veřejnosti a médií») a A. Tsygankov («Ruští teoretici: pokus o autoportrét»).

Díky metodám pozorování, práci s dokumenty a webovými stránkami, analýzám informací ČT-1, porovnávání získaných dat dospěli jsme k těmto závěrům:

- Rusko zaujímá jedno z hlavních míst na informacích *České Televize 1*: téměř třetina mezinárodních materiálů byla věnována naší zemi. Kromě toho, Rusko zaujímá druhé místo po USA mezi nejčastěji uvedenými zeměmi v programu *Události* v roce 2017;

- Výsledky studie ukázaly, že toto veřejnoprávní média je orientováno na osvětlení vnitřních událostí v Česku: 658 z 975 informačních materiálů byly věnovány domácím událostem České Republiky;
- pro ČR a další země Střední a Východní Evropy (dnes v podstatě jsou to členy EU) vyznačuje vlastní typ politické kultury, jejíž charakteristické rysy jsou lokalita a současně snaha spojit národní zájmy a zkušenosti s evropskými, což se odráží ve zprávách televizního kanálu *Česká Televize 1*;
- 70% materiálů o naší zemi byly věnovány politickým otázkám, mezi nimiž jsou častými tématy byly: prezidentské volby v Rusku, vztahy Ruska a USA a také anexe/připojení Krymu.

Tedy je možné konstatovat, že Rusko hraje významnou roli v mezinárodní agendě veřejného média Česká Televize 1. Analýza informačních materiálů jednoho z vedoucích televizních kanálů v Česku představuje výzkumný zájem taky z důvodu, že první veřejný televizní kanál v Rusku se objevil jen před několika lety. Mohli bychom využít zkušeností ČT1.

Perspektiva mého zkoumání: Chtěla bych srovnat *Českou Televizi 1* s TV *Nová*, protože *Nová* je nejpopulárnější kanál v Česku, kanály společnosti České Televize jsou na druhém místě. Myslím, že to by bylo zajímavé, neboť *Nová* je komerční kanál, který má jiný pořad a jiný pohled na události, které se dějí ve světě.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пророк 2013 – Пророк В., Цупалова М. Образ России в представлениях чешской общественности и СМИ // PolitBook. 2013. №4. — С. 47-59.

Исмаилова Альбина

(МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики
Россия, Москва)

Sémantické a stylistické funkce publikací o Rusku v časopise GEO Russia

Jazyk media přitahuje pozornost vědců, jelikož problem vlivu médií na veřejné mínění je v dnešním světě jedním z nejvíce aktuálních. Média nejen informují své publikum, ale také ho ovlivňují.

Cílem tohoto výzkumu je popsat jazykový obraz světa prezentovaný v časopise GEO Russia v článcích o Rusku a zjistit, v čem spočívají jejich sémantické a stylistické rysy. V práci jsou použity teoretické metody výzkumu: obsahová analýza a srovnání.

V časopise GEO Russia je vytvořen atraktivní pro občany a návštěvníky země image Ruska pomocí prezentace pozitivního jazykového obrazu světa vůči zemi. Lze konstatovat, že časopis GEO Russia podporuje tento obraz Ruska: novináři hoznázornují jako jedinečnou, zajímavou, krásnou zemi a v mnoha případech záměrně ignorují současné sociální problem ve státu, stejně jako některé aktuální problémy spojené s konkrétními městy a objekty kulturního dědictví, o nichž píší.

Provedená analýza ukázala, že nejvíce reprezentativní kategorie pro analýzu textu ve vědecko-populárních časopisech jsou slova, vyjadřující barvy (adjektiv, substantiv, verbum), chronotopy (prostor, čas, časové formy sloves) a jazykové prostředky citění (přívlastky, metafory a další), protožeto jsou prvky, které tvoří kulturu a pomáhají novinářům vyjádřit svůj postoj, najít vlastní publikum, vytvořit u něj pozitivní jazykový obraz světa a zachytit to v článcích.

Téměř ve všech textech se vyskytují slova "krásný", "jedinečný", "vzácný", "široký", "působivý". Tímto způsobem novináři vytváří atraktivní image Ruska jakožto oblíbené a bezmezné země.

V člancích vědecko-populárních časopisů o cestování po Rusku není zvykem soustředit pozornost na sociálních problémech (nezaměstnanost, chudoba, nízká úroveň rozvoje infrastruktury atd.); občas se zmiňují problémy spojené s ochranou památek, ale jen zřídka se stávají hlavním tématem.

Z analýzy lze učinit závěr, že se novináři v člancích zaměřili na ruského čtenáře, jelikož často apelují na poznání kultury Ruska a na jevy, které mohou být snadno srozumitelné na intuitivní úrovni. Například, říkají, že barvy ruské kultury jsou bílá a červená. Tato teze může být potvrzena články GEO Russia: nejčastěji zmiňované barvy tam jsou opravdu bílá a červená. Nejvíce je těchto zmínek v materiálech věnovaných ruské architektuře. Kromě těchto dvou barev se autoři často zaměřují na zlatou, protože je značně zastoupena v ruské poezii.

V textech GEO Russia je pomocí chronotopu odhalen koncept prostoru Ruska. Díky množství různých druhů zeměpisných objektů na mapě Rusové pociťují nekonečnost hranic. Různé přírodní a městské objekty jsou autory popsány jako kulturní dědictví významné pro všechny Rusy.

Avšak jedno z prvních míst v kulturních a historických reprezentacích ruského lidu zabírá koncept "zvonek" a "zvonění", což znamená život, tragické a hrdinské události. Může být nalezen v člancích věnovaných pravoslavné architektuře. Dnes je v Rusku jen zřídka možné slyšet zvonění, a možná právě proto je publikum heterogenní, co se týče náboženských názorů.

Na základě analýzy článků lze konstatovat, že se časopis GEO Russia snaží zesilovat u čtenáře lásku k Rusku nejen prostřednictvím množství textů, ale i pomocí obrazu světa, který je vytvořen v časopise s využitím uvedených v této práci lingvisticko-stylistických prostředků.

Гольдина Олеся

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет
иностраннных языков и регионоведения
Россия, Москва)*

Specifikum nominace domů v Londýně a Praze

Kultura se odráží téměř ve všech aspektech každodenního života. Literatura, hudba, kinematografie a média se často stávají objektem pro velké množství výzkumů spojených s mentalitou národů. Avšak další méně zmiňovanou, ale stejně účinnou metodou je studium onomastiky neboli vědy o vlastních jménech.

Fenomén nominace obytných domů představuje unikátní způsob studia národního charakteru. Tato práce je zaměřena na zkoumání vlivu kultury na proces nominace domů v Londýně a Praze.

Ve Velké Británii názvy domů často plní funkci číslování a mohou být použity v adrese. Kromě toho je dům s názvem vždy prestižnější a poukazuje na postavení majitele ve společnosti. Nicméně, nominace má také jistý sentimentální podtext, jelikož Britové věří, že pomocí jména můžou do určité míry „oživit“ své bydliště. Avšak názvy domů plní i praktickou funkci, poněvadž podávají kolemjdoucím informace o majitech nebo historii budovy. Nominace londýnských domů se nejčastěji skládají z dvoukomponentních toponymů: typ budovy (dům, usedlost, hala...) a jméno majitele (případně profese) nebo přídavné jméno popisující exteriér (barva, rostliny okolo, materiál).

V rámci daného výzkumu bylo zanalyzováno 137 názvů domů v Londýně a byla vytvořena funkcionální klasifikace podle dominantního příznaku objektu. Dle této klasifikace nominace obsahují tato slova: House (dům): 77,37% (Arundel House), Park (park): 5,11% (Osterley Park), Hall (hala): 4,38% (Hare Hall), Place (obydlí): 2,19% (Crosby Place), Lodge (chata): 1,46% (Lowther Lodge), Villa (vila): 1,46% (Crofton Roman

Villa), Hill (kopec): 1,46% (Avery Hill), Manor (usedlost): 0,73% (Pitzhanger Manor), Rectory (fara): 0,73% (Old Rectory), Hotel (hotel): 0,73% (Edgwarebury Hotel), Corner (roh): 0,73% (Garden Corner), Dyke (příkop): 0,73% (Grim's Dyke). 2,92% názvů neobsahují typ budovy (The Albany).

Pražský systém nominace je odlišný, což potvrzuje rozdíl v mentalitách. Názvy domů v Praze nenahrazují číslování a mají spíše historickou hodnotu. Na území dnešní České republiky se začaly objevovat již v raném středověku a v době zakládání měst se staly velmi populárními. Téměř každý pražský dům měl jméno spojené s povoláním nebo povahou majitelů, které se zobrazovalo na bareliéfu na fasádě budovy nad vstupem. Název mohl být též spojen s místem, svatým patronem nebo důležitou událostí či legendou.

Pro danou práci byl proveden rozbor 295 nominací domů v Praze. 100% názvů obsahuje slovo „dům“ a předložku „u“, a proto není možné použít funkcionální klasifikaci. Z tohoto důvodu byla zpracována klasifikace na základě dominantního stylistického příznaku použitého v názvu: živočichové: 33,22% (U Bílého lva), předměty: 23,05% (U Zrcadla), rostliny: 13,90% (U Zeleného ořechového stromu), religie: 13,55% (U Svatého Václava), vesmírná tělesa: 5,08% (U Tří zlatých hvězd), povolání: 3,39% (U Tří praporečnicků), části těla: 2,71% (U Zlatého ramene), lidé: 2,03% (U Mouřenína), pohádkové bytosti: 1,36% (U Bílého jednorožce), příjmení: 1,02% (U Hřebeckých), místa: 0,68% (U Lužického semináře).

Nejčastěji se v pražských nominacích používají názvy zvířat, obzvláště lva, který je nejen symbolem odvahy pro český lid, jakožto postava mnoha bájí a pověstí, ale i jakousi manifestací české státnosti. Kromě toho 67,46% názvů obsahují barvy (nejčastěji zlatou, bílou, černou a červenou), což poukazuje na použití principu aluzivity.

Výzkum potvrdil, že se mentalita a způsob myšlení dvou vybraných národů ve vybrané problematice vsutku liší (pragmatická a racionální funkcionalita vs. romantická aluzivita). Byl učiněn závěr, že je studium onomastiky účinnou metodou pro výzkum mentality, jelikož kolektivní nominace odráží specifické rysy národa a jeho vztah k životu, historii a kultuře.

Левина Полина

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

«Zbédni ludzie» w twórczości Bolesława Prusa

Jeden z najwybitniejszych mistrzów polskiej prozy realistycznej, "realista czystej wody", jak o nim mówił Henryk Sienkiewicz; artysta, który umiał uważnie obserwować i wyraźnie przedstawiać to, co zobaczył, pisarz i publicysta, którego dzieła wspaniale oddają byt i maniery, codzienne życie ludzi w Polsce w drugiej połowie XIX wieku... Aleksander Głowacki, znany bardziej pod pseudonimem Bolesław Prus, był i pozostaje jednym z najsłynniejszych polskich pisarzy.

O zaletach literackich dzieł Prusa można mówić bardzo długo, i chcielibyśmy o nich mówić, ale pozostawiamy to filologom. Naszym zadaniem będzie spojrzenie na twórczość pisarza z innej strony – z historycznego punktu widzenia. Dlaczego jest tak interesująca dla historyków?

Bolesław Prus, jak już powiedziałam, był jedną z największych postaci wśród polskich pisarzy realistów drugiej połowy XIX wieku. Jego portrety ludzi należących do najbardziej zróżnicowanych grup społecznych są bardzo interesujące. Bohaterami Prusa są szlachcicy i mieszczenie, zamożni kupcy i miejska biedota, Polacy i Żydzi; w każdym z nich pisarz

często zauważał pewne cechy charakterystyczne dla tego czy innego typu ludzi.

Dlatego prace Prusa są tak ciekawym źródłem poznawania polskiego społeczeństwa. Pisarz mówi o sposobie życia, poglądach, myślach, światopoglądzie ludzi z różnych warstw społecznych. Jakie były relacje między grupami społecznymi? Czy każdy z nich miał określone zasady postępowania, stereotypy myślenia, a jeśli tak, to jakie one były? Jakie były ich główne zajęcia, jak spędzali wolny czas? O czym rozmawiali, o co się martwili? Znalezione w utworach Prusa odpowiedzi na te i wiele innych kluczowych pytań pozwalają nam w pełni i dokładnie wyobrazić polskie społeczeństwo.

Co się tyczy podstawowego problemu "zbędnego człowieka", należy podkreślić, że celem danego artykułu jest nie tylko opisanie odpowiednich obrazów literackich. Celem naszego badania było wyjaśnienie, kogo Bolesław Prus zaliczał do "zbędnych ludzi" i zrozumienie, dlaczego ci bohaterowie okazali się "poza" polskim społeczeństwem. Aby odpowiedzieć na te pytania, powinniśmy mówić z jednej strony o ludziach, którzy są "niezwyčajni", a zatem odrzuceni, a z drugiej strony o najbardziej typowych reprezentantach różnych warstw społecznych. To sformułowanie problemu pozwoli nam dość szczegółowo rozpatrzyć polskie społeczeństwo i zobaczyć również podstawowe sprzeczności społeczne.

Jako podstawowe źródła wybraliśmy dwie główne powieści Bolesława Prusa - "Lalka" i "Emancypantki". W centrum naszej uwagi znalazły się "historie" kilku bohaterów: Ignacego Zeckiego, Stanisława Wokulskiego, Juliana Ochotskiego ("Lalka"), Stefana Solskiego, pani Latter, Magdaleny Brzeskiej ("Emancypantki")... Każda z tych wyrazistych postaci ma swoje szczególne cechy, ale jest coś, co ich łączy – tragiczny los bycia źle zrozumianym, nieakceptowanym. Dlaczego te osoby są "zbędne"?

Z jednej strony przyczynami tego są cechy charakterystyczne ówczesnego społeczeństwa. Powstające poglądy radykalne, charakterystyczne dla epoki pisarza, moda na pozytywizm i emancypację "zabiły" ostatnich romantyków. Światopogląd arystokracji, jej pogardliwy stosunek do pracy, zatrudniał rozwój przemysłu. Prus w swoich powieściach pokazywał sprzeczność pomiędzy burzliwym rozwojem gospodarczym i kulturowym a takimi powolnymi zmianami w świadomości społecznej. Większość Polaków, a przede wszystkim szlachta nie była gotowa zmienić swój styl życia, swoje poglądy i przyzwyczajenia, podczas gdy realia tego czasu tego wymagały.

Z drugiej strony, i to jest subiektywnym poglądem Bolesława Prusa, ważnym czynnikiem były wartości społeczne i postawy moralne. Każda postać, która okazała się "zbędna", miała wyjątkowy umysł i dobre serce; wszyscy ci bohaterowie są mądrzy, pracowici, uczciwi i życzliwi, jednak właśnie te cechy opisane przez Prusa społeczeństwo nie mogło ocenić. Pisarz wyrażał takie zdanie: «Wspólna cecha nadzwyczajnych jednostek jest brak proporcji między nimi a ogółem, który składa się z ludzi miernych. Doskonale umiemy oceniać — na przykład — piękność, majątek, powodzenie; ale stanowczo brak nam zmysłu do taksowania wielkich celów, szerokich rzutów oka albo serc anielskich...».

Problem zmian zachodzących w społeczeństwie, poglądach, ideałach i postawach współczesnych szczególnie niepokoi pisarza. Sprzeczność jego stosunku do nich polegała na tym, że popierając zmiany i rozumiejąc ich konieczność, pisarz wzywał do zachowania wszystkiego pozytywnego, co społeczeństwo już stworzyło. Dlatego w poglądach swoich bohaterów Prus łączy zarówno romantyczne, jak i pragmatyczne cechy – stara się pokazać, że przekonania tych ludzi o wartościach wiecznych są wyższe i szersze od modnych prądów społecznych.

Александрова Софья

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики
Россия, Москва)*

Polskie czasopisma kobiece w okresie międzywojennym (1918–1939)

Okres międzywojenny w Polsce pełny wydarzeń politycznych i społecznych znalazł swoje odbicie m.in. w polskich czasopismach kobiecych. Przeprowadzone przeze mnie badania pozwoliły wyjaśnić, jak okres międzywojenny wpłynął na powstanie i rozwój systemu polskich czasopism kobiecych.

Jak wynika z naszych badań, wybrane przez nas pisma nie zmieniały politycznych poglądów na apolityczne, choć tego wymagała logika rozwoju historycznego (i doświadczenia innych krajów Europy Wschodniej, na przykład, Węgier). Sposób oświetlenia wydarzeń różnił się w zależności od ukierunkowania pisma i od konkretnego okresu.

Okazało się, że czasopisma dla kobiet pisały o wydarzeniach i zjawiskach politycznych, których uczestników i konsekwencje można było podzielić na krańcowo różne kategorie. Tak, podczas parlamentarnej demokracji (1921–1926) czasopisma prawie nie poruszały spraw politycznych: sprawa granic (gdzie „dobrzy” byli Polacy, a „źli” — Niemcy, Czesi, Ukraińcy, bolszewicy) została rozwiązana, zagrożenie zewnętrzne — zlikwidowane, w kraju zaś sytuacja była bardzo zróżnicowana i nie poddawała się podziałowi na „czarne i białe”. Dlatego o parlamentarnych kryzysach praktycznie rzecz biorąc nie pisały największe czasopisma dla kobiet „Bluszcz” i „Głos Wielkopolanek”. Podczas reżymu „sanacji”, kiedy sytuacja wewnętrzna się wyjaśniła i zdobyła charakter bipolarny (partie opozycyjne zaczęły stawiać opór prorządowemu Bezpartyjnemu Blokowi), kiedy zaczęło narastać zagrożenie zewnętrzne (po dojściu do władzy w Niemczech socjalistów narodowych), „Bluszcz”, akcjonariusze którego byli związani z „sanacją”, zaczął zwracać się do tematu zagrożenia

niemieckiego, opisując sytuację wewnętrzną w sposób pozytywnie-neutralny, a wydawnictwo Polskiej Partii Socjalistycznej „Głos Kobiet” zajęło się krytyką „sanacji” jako „zła” dla „dobra”, którego uosobieniem był polski naród i klasa robotnicza. Oba czasopisma jednak negatywnie oceniali zewnętrzne zagrożenia.

W ciągu ostatnich pięciu lat przed wojną sytuacja była dość niejasna: historycznie ważne decyzje były podejmowane w trakcie tajnych negocjacji międzynarodowych, pozycja Polski była niezmienna, i nie trzeba było pisać o niej wielokrotnie. W kraju sytuacja była stabilna, a o tym, co było źle dla wizerunku „sanacji”, „Bluszcz” nie pisał, jak i przed 1935 r. Stworzone w tym trudnym czasie czasopismo „Moja Przyjaciółka” w ogóle nie traktowało jako swoje zadanie oświetlenie sytuacji politycznej. Jakież fakty i oceny mogły znaleźć się na jego łamach, ale to było bardzo rzadko. W tym samym czasie oba czasopisma zaczęły (choć nie jednocześnie) pisać o zbliżającej się wojnie i przygotowywać do niej swoje czytelniczki. Ale nawet o wojnie wydawnictwa pisały zgodnie z polityką redakcji: „Bluszcz” — w artykułach i notatkach, „Moja Przyjaciółka” — w radach typu „Gospodarka domowa na wypadek wojny”.

Przed reżymem „sanacji” poznańskie pisma pisały o Niemcach, warszawskie — o Niemcach i Rosjanach, lubelskie — o Ukraińcach. Jednak od 1926 r. czasopisma dla kobiet zaczęły się nastawiać na ogólnopolskich odbiorców, wpływ czynnika geograficznego zniknął.

Głównym czynnikiem, który miał wpływ na oświetlenie sprawy kobiecej okazał się wcale nie czynnik historyczny lecz gender. Pisma, wydawane przez kobiety, poświęcały sprawie kobiecej więcej uwagi niż wydania z redaktorami-mężczyznami. Również w czasopismach z redaktorkami wszystko co dotyczyło sprawy kobiecej było podawane z postępowego punktu widzenia, w czym największe sukcesy osiągał socjalistyczny „Głos Kobiet”.

Więc okres międzywojenny w Polsce w związku z opisanymi wyżej zjawiskami odbił się na łamach polskich czasopism kobiecych częściowo, a zainteresowanie sprawami kobiet okazało się stabilnym w tych pismach, gdzie redaktorką była kobieta.

Семакина Татьяна

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Świat muzyczny Polski na początku XX wieku w ujęciu Karola Szymanowskiego

Wśród najwybitniejszych polskich kompozytorów pierwszej połowy XX wieku jedno z pierwszych miejsc zajmuje Karol Szymanowski. Jest on znany też jako wybitny myśliciel muzyczny, który pozostawił bogate dziedzictwo epistolarne i dziennikarskie. Szymanowski zajmował się wieloma problemami teorii muzyki i miejsca muzyki w polskim społeczeństwie. Celem naszego badania jest oświetlenie stanu polskiej kultury muzycznej na początku XX wieku przez pryzmat oceny Karola Szymanowskiego.

Charakterystyczną cechą polskiej kultury na początku XX wieku było współistnienie różnych tendencji ideologicznych, artystycznych i stylistycznych. Wszystkie one otrzymały nazwę "Młoda Polska", jak i cały ten okres w kulturze polskiej. Szymanowski dużo pisał o działalności grupy kompozytorów "Młoda Polska". Próbował oceniać bezstronnie swoich współczesnych - muzyków, jednak oprócz Różyckiego i Fitelberga chyba nikt z polskich kompozytorów nie został oceniony przez niego pozytywnie. Szymanowski oczywiście nie mógł nie interesować się postacią Ignacego Jana Paderewskiego, ale uważał go za bardzo przeciętnego kompozytora, a ponadto nie aprobował jego pozycji obywatelskiej.

Ogólnie rzecz biorąc, współczesna polska kultura muzyczna przeżywa, zdaniem Szymanowskiego, kryzys. Kompozytor nieustannie mówi o swojej ideologicznej samotności w społeczeństwie. W Polsce, według Szymanowskiego, nie ma nikogo, kto miałby talent i osiągnięcia porównywalne z jego własnymi. Szymanowski sam musiał znaleźć nowy styl muzyki polskiej, styl XX wieku, który nie zrywałby z osiągnięciami światowej sztuki muzycznej, ale na swój sposób wykorzystywał je.

Ponadto, istotnym problemem jest dla Szymanowskiego niewystarczający poziom szkolenia wykonawców. Kompozytor często wątpi w sukces przyszłego wykonania swoich utworów. Szymanowskiemu bardzo trudno przyzwyczaić się do sytuacji, w której, nawet jeśli on napisze najpiękniejszą muzykę, nie wiadomo, czy ktoś w ogóle potrafi ją zagrać .

Szymanowski martwił się również z powodu nieodpowiedniego rozwoju w kraju wydawnictwa w dziedzinie muzyki. Wydanie nut, zdaniem kompozytora, w Polsce nie osiągnęło poziomu europejskiego. Jest szczerze przekonany, że tylko dobra zagraniczna firma wydawnicza może naprawdę przyczynić się do popularyzacji jego twórczości, zwiększając jego autorytet wśród opinii publicznej.

Kompozytor mówi negatywnie i o polskich krytykach muzycznych. Uważa, że w ogóle nie rozumieją niczego w dobrej muzyce. Ich poglądy wydają mu się przestarzałe, prowincjonalne, niezwykle prymitywne. Tacy krytycy, powiada Szymanowski, nie są w stanie dostrzec prawdziwej wartości sztuki.

Ze smutkiem kompozytor patrzy na polskie społeczeństwo. Widzi, że słuchacze na jego koncertach nie mogą docenić piękna brzmiącej muzyki, że oni, podobnie jak krytycy prasowi, są zbyt konserwatywni, nie chcą akceptować nowych pomysłów w sztuce. Kompozytor w ogóle nie dostrzega w świadomości społecznej żadnej uporządkowanej wiedzy na temat wysokiej sztuki muzycznej, rozumienia jej roli w życiu społeczeństwa i

państwa. Przyczyny tego żalospnego stanu kompozytor widzi w złej polityce edukacyjnej w Polsce, a także w tym, że państwo nie zapewnia odpowiedniego wsparcia rozwojowi sztuki muzycznej w kraju.

Wreszcie stosunki Szymanowskiego z państwem też są godne uwagi. Charakteryzują się wzajemną wrogością i wzajemną nieufnością. Koła rządzące w niepodległym kraju, zdaniem kompozytora, nie udzielały wystarczającego wsparcia muzykom i nie zwracały należytej uwagi na sytuację, w której znajdowała się muzyka akademicka.

Karol Szymanowski został powszechnie uznany w Polsce dopiero po jego śmierci. Szymanowski miał nieoceniony wpływ na kształtowanie polskiej sztuki muzycznej XX wieku, udało mu się odnaleźć swój własny, prawdziwie narodowy styl polski, który był nierozzerwalnie związany z całą europejską tradycją muzyczną.

СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Кучер Надежда

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Представа Руса о Србима и Срба о Русима током Велике источне кризе 1875-1878

У реферату који представља прилог имаголошким студијама разматрају се узајамни утисци Руса и Срба у годинама Велике источне кризе 1875-1878, у контексту проучавања «руског фактора» у српској политици. Кључни појам имагологије је слика у којој се реализује идеја о другом, идеја о себи и идеја о томе како други виде нас [Pageaux 1989].

Имагологија је везана с рушењем стереотипа који настају у одсуству директних контаката између народа. Пре сусрета са Србима током Велике источне кризе Руси скоро ништа нису знали о том народу, као што су и Срби имали врло приближну представу о Русима [Срби о Русији 2011: 37]. Србија је видела у Русији кључног партнера за реализацију својих политичких и националних интереса. Русија је сматрала Србију као савезника за своје спољнополитичке планове на Балкану [Москва–Србија 2011: 18].

Главни извори за такво истраживање су мемоари руских и српских путника, јавних личности и политичара, као и мемоарски записи руских добровољаца који су учествовали у српско-турском рату 1876.

Српски народ је одгојен у духу слободе и једнакости - то је оно што је највише импресионирало руске људе у Србији [Русские 2006: 28], осим тога као особине Срба Руси наводе и практицизам и мањак идеализма [Там же: 54], тврдоглавост и лењост [Мещерский 1877:

219-220], кукавичлук у рату [Русские 2006: 207-208]. Руски добровољци су, с једне стране, истицали сиромаштво и провинцијализам српске престонице Београда [Русские 2014: 235], а са друге стране, обраћали пажњу на просперитет сеоског становништва у Србији. Нису могли да верују да су добростојећи и безбрижни српски сељаци представници народа угњетаваног у току скоро 500 година.

1875. године у Босни и Херцеговини избио је устанак против Отоманске царевине [Восстание 2008: 16]. У јуну 1876. су Србија и Црна Гора почеле рат против Турске [Фелкнер 1877: 143]. У Русији су деловали Словенски комитети, који су ширили информацију о патњи српског народа и позивале Русе да учествују у ослободилачкој борби на Балкану. Један од добровољца, М. Максимов, писао је у својим мемоарима да су они у ствари преварени од стране новинара који су наговарали руске људе да се у овом рату руководи принципом ослобођења Словена из деспотског јарма [Максимов 1879: 236-237].

Као резултат заједничког деловања за време рата дошло је до погоршавања представе једних о другима. Добровољци су закључили да материјално стање Срба није било лоше, да би се тешко могли сматрати угњетаваним и нису били склони да ратују за своје ослобођење.

С друге стране, испало је да је велики број Руса на балканском фронту били људи који нису нашли за себе место у животу у својој земљи – склони алкохолу, криминални елементи, изагнаници. Углавном су Срби били захвални Русима дивећи се њиховој храбрости у борбама, али и уплашени због понашања руских маргиналаца [Там же: 70-72].

Каснији историјски догађаји, као Први и Други светски ратови, а и многи други, омогућили су да се народи Русије и Србије боље упознају и да представа једних о другима постане позитивна. 1919. г. је Сергеј Смирнов, секретар принцезе Јелене Петровне, супруге

Великог кнеза Иоана Константиновича, писао о српским војницима да су се они понашали у рату као хероји. [Смирнов 2015: 27.] Године 1928. Иван Шмељов је написао у писму српском лингвисти Александру Белићу: «Доћи ће време - и цела Русија ће сазнати шта је за нас направила ваша домовина, светла Србија, славна Југославија» [Письма 2016].

ЛИТЕРАТУРА

1. Восстание 2008 – Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М.: "Индрик", 2008. – 448 с.
2. Максимов 1879 – *Максимов М. В.* Две войны 1876-1878. СПб., 1879.
3. Мещерский 1877 – *Мещерский В. П.* Правда о Сербии. СПб.: Типография кн. В.В. Оболенскаго, 1877. 378 с.
4. Москва–Сербия 2011 – Москва – Сербия. Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. М.:Главархив Москвы, Архив Србије, 2011. 940 с.
5. Письма 2016 – От чужих к своим. Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу. Белград, 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bfrz.ru/?mod=news&id=2460> (дата обращения 01.06.2018).
6. Русские 2006 – Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб.: Алетейя, 2006. – 684 с.
7. Русские 2014 – Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). М.: «Индрик», 2014. 632 с.
8. Смирнов 2015 – *Смирнов С.Н.* В плену у царевубийц. Подготовка текста и общая редакция Корнелии Ичин. Белград: Логос, 2015. 386 с.

9. Срби о Русији 2011 – Срби о Русији и Русима: Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750—2010). Београд: Институт за новију историју Србије, 2011. – 857 с.
 10. Фелькнер 1877 – *Фелькнер А.* Славянская борьба 1875-1876. СПб, 1877.
 11. Pageaux 1989 – *Pageaux Daniel-Henri.* De l'imagerie culturelle à l'imaginaire // Précis de littérature comparée. Paris: PUFF. 1989. Pp. 133-162.
-

Калинина Мария

(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)

Вук Караџић и Русија.

Преписка В. Караџића са Русима као историјски извор

В. Караџић и данас остаје важна личност за све који говоре српски језик. Његова биографија је веома интересантна за научнике, постоје многобројни радови о његовом животу и стваралаштву, али посебан интерес представља Вуково путовање у Русију 1818-1819. године. Оно је започело нови период његовог живота. Многобројна Вукова познанства из времена боравка у Русији била су почетак његових веза са Русима, које нису прекидане.

Ми смо изабрали тему „Преписка В. Караџића са Русима као историјски извор“. Има много издања Вукове преписке, али треба да истакнемо да и данас нису објављена сва писма. Изучавали смо четири издања: „Вукова Преписка“ која је објављена у Београду 1907. године; чланак В. Карасева, који је објављен 1956. године, и два издања Државног архива 1970. и 2012. године. Издање 1907. године је најпознатије од свих. Циљ рада је анализа адресата и тема Вукове преписке.

Кад смо проучавали писма В. Караџића, дошли смо до закључка да је најчешће писао Ф. Аделунгу, А. Шишкову, И. Кепену, Н. Румјанцеву. Имао ја такође преписку и с друштвеним организацијама, као што, је на пример, Руска Царска Академија или Руско библејско друштво. Сви Руси с којима се дописивао В. Караџић били су на високом државном положају. А. Шишков је био, на пример, министар просвете, гроф Румјанцев -државни канцелар. Има чак и једно писмо грофу Неселродеу, који је био министар спољних послова. Затим треба рећи да су сви ти људи подржавали „идеју словенског реципроцитета“, која је била веома популарна у XIX. веку. Више од тога, они су били конзервативци и подржавали су политику Николаја Првог коју историчари називају реакционарном.

Још један закључак тиче се тема преписке В. Караџића. Прво, Караџић је често писао Русима о размени књига. Он описује књиге које шаље, на пример своју „Даницу“ [Писмо 1827], „Речник“ и друге. Такође у писмима тражи да му се пошаљу књиге, које га занимају.

Још једна тема коју смо нашли у његовој преписци – покушаји да ступи на државну службу у Русији. Али Караџић није успео да добије посао, зато што га је руски цар сматрао шпијуном [Достян 2012].

Треће, В. Караџић се спријатељио са неким од Руса, зато је у својим писмима писао о личним темама. На пример, писао је у Ф. Аделунгу како живи у Бечу са својом породицом, причао је о својим односима са кнезом Милошем, говорио о свом раду и својим плановима.

Преписка В. Караџића са Русима је богат и интересантан историјски извор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достян 2012 – *Достян И. С. В.С. Караджич // Исторические портреты. Народы Юго-Восточной Европы. Конец XVIII – середина XIX в. СПб.: Алетейя, 2012. С. 182-210.*
 2. Писмо 1827 – Писмо В. Караџића А. С. Шишкову 10 децембра 1827. г. // Вукова преписка. Кн. 3. Београд, 1907.
-

Трей Тим

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Значај Светоандрејске скупштине у српској историји

Предмет рада је проучавање значаја Светоандрејске скупштине 1858. године у Србији. Тема је актуелна за истраживање због недовољног познавања Светоандрејске скупштине од стране руских историчара од почетка XX века до данашњег дана. Циљ истраживања је утврђивање значаја Светоандрејске скупштине као политичког феномена у историји Србије XIX века.

Главни циљеви овог рада су:

- 1) објаснити разлоге сазивања Скупштине, као и политичку ситуацију која јој је претходила;
- 2) проучити ток и резултате Скупштине 1858;
- 3) проучити реакцију руске јавности на Скупштину.

Рад је написан на основу домаћих и страних извора који се баве проблематиком Светоандрејске скупштине у Србији.

Прво поглавље. Пре Скупштине.

Објективни разлози за одржавање Скупштине 1858. године у Србији:

- 1) економска криза у Србији;
- 2) туркофилизам у спољној политици Српске Кнежевине;
- 3) раздор између уставобранитеља и кнеза Александра Карађорђевића;
- 4) рођење прве либералне интелигенције у Србији.

Политичке странке Скупштине:

1. Странка која подржава Александра Карађорђевића.
2. Странка српске олигархије (Илија Гарашинин, Миша Анастасијевић, Тома Вучић Пересић).
3. Народна партија скупштине, коју воде српски либерали (Еврем Грујић, Ранко Алимпић, Андреј Стаменковић) и присталице Обреновића.

Друго поглавље. Ток скупштине.

Три главна резултата Светоандрејске скупштине;

- 1) усвајање уставног закона о скупштини Србије;
- 2) свргавање Александра Карађорђевића;
- 3) повратак кнежевске власти Обреновићима.

Треће поглавље. Руска јавност и Скупштина.

1. Реакција на Скупштину неких представника руског славофилизма:

жалост и туга о крхкости одлука Скупштине (напомене И. С. Аксакова и А. С. Хомиакова).

2. Перцепцију скупштине познатих руских слависта деветнаестог века карактерише научно детаљан приступ, који јасно показује да идеје Скупштине нису прилагођене српској стварности, нису узимали у обзир патријархални начин живота српског друштва.

Значај Светоандрејске скупштине у српској историји

Светоандрејска скупштина није довела до брзих и драматичних промена у Србији. Међутим, са одржавањем скупштине 1858. године, Србија је започела историју националног парламентаризма и демократије. Скупштина се показала као орган способан да води изградњу српске државе.

Еремин Денис

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Hrvatsko pitanje u BiH 1991-1995

Referat predstavlja pokušaj prikazivanja razvoja državno-pravnog položaja bosanskih Hrvata od početka građanskog rata 1991-1995. u Jugoslaviji do potpisivanja Dejtonskog sporazuma.

Raspad Jugoslavije postavio je pitanje budućnosti BiH i svaki narod je želeo da ga reši na svoj način. Zato glavnim razlogom rata može se smatrati neodređenost državno-pravnog uređenja i statusa Bosne i Hercegovine u vreme raspada Jugoslavije.

Na prvim bosansko-hercegovačkim demokratskim izborima održanim krajem 1990. pobjedu su odnele nacionalno-afirmativne stranke [Гуськова 2001: 224]. Takva stranka za bosanske Hrvate bila je HDZ BiH [Mrduljaš 2009: 830]. Tada je uspostavljena koaliciona vlada, čije funkcionisanje je kasnije otežano zbog nesporazumevanja oko osnovnog političkog pitanja – nezavisnosti i unutrašnjeg preustrojstva. Hrvati u

Bosni su težili nezavisnoj BiH, reorganizovanoj u federaciju [Ibid.]. Njihov cilj je bio autonomija i konfederacija s Hrvatskom.

Nakon priznanja nezavisnosti BiH bosanski Srbi su, želeći ostati u Jugoslaviji, organizovali Republiku Srpsku [Гуськова 2001: 228-231]. Došlo je do otvorenog sukoba Hrvata i Muslimana sa bosanskim Srbima. Muslimani su zamišljali BiH kao centralističku državu [Никифоров 1999: 16] i odbacivali sve planove mirnog rešenja, jer su ti planovi predviđali federalizaciju. Hrvati su stvarali svoje autonomne oblasti – Hrvatske Zajednice, gde su bili u većini ili gde je veliki broj stanovnika bio hrvatskog porekla. Glavni cilj osnivanja Hrvatskih Zajednica je organizacija borbe s JNA i kasnije s bosanskim Srbima [Lučić 2008: 135]. Što se tiče pitanja državnog uređenja, polazilo se od Kurtiljerovog plana [Mrduljaš 2009: 833-834]. Vremenom je od niza HZ-a stvorena jedinstvena Hrvatska Zajednica Herceg-Bosna.

Međunaroni moćnici su pokušavali da reše problem konfrontacije, ali se njihovo učešće uglavnom objašnjavalo njihovim političkim interesima na Balkanu.

1993. počeo je otvoreni hrvatsko-muslimanski sukob u BiH, izazvan u velikoj meri planom Vensa-Ovena [Ibid.: 839]. MKBJ predložila je takođe Oven-Stoltenbergov plan, pa je u okviru pregovaranja o ostvarivanju tog plana Hrvatska Zajednica Herceg-Bosna preobražena u Hrvatsku Republiku Herceg-Bosnu [Гуськова 2001: 378], dakle se ovaj događaj ne može smatrati akcijom odcepljenja od BiH. Bošnjaci nisu pristali ni na ovaj plan.

Hrvatsko-muslimanski sukob je završen potpisivanjem Vašingtonskog sporazuma 18. marta 1994. Pod pritiskom američke diplomatije, po tom sporazumu je stvorena Federacija Bosne i Hercegovine od teritorija koje su bile pod kontrolom Hrvata i Muslimana, takođe je dogovoreno o uspostavljanju konfederacije FBiH s Hrvatskom [Boras 2002: 150]. De fakto je FBiH bila vrsta vojno-političkog sporazuma

Hrvata i Muslimana protiv Srba, i postojanje FBiH je pravna formalnost. Funkcionisanje FBiH bilo je problematično uglavnom zbog interesa Muslimana za stvaranjem centralističke države.

Dejtonski sporazum, koji je potpisan u novembru 1995. nakon vojne akcije NATO-a protiv Srba, nametnut je stranama konflikta u BiH od međunarodne zajednice, i pre svega SAD-a [Никифоров 1999: 205]. Dejtonskim sporazumom je legitimizovana NATO-va «mirovna operacija», dok su sva teritorijalna pitanja rešena u korist FBiH, pa je ova zajednica, koja u stvari nije ni postojala tokom rata, postala entitet BiH. Od velikog značaja za izgrađivanje političkog uređenja FBiH bile su ideje izložene u Vens-Ovenovom planu [Ibid.: 36]. Hrvati su zvanično tretirani kao jednakopravan narod, ali nisu dobili poseban entitet, nego samo etničke kantone-župe u okviru FBiH, što sačinjava oko 22% teritorije BiH. Nije ostavarena ni konfederacija FBiH s Hrvatskom. Може се закључити да dejtonsko uređenje nije odgovaralo interesima bosanskih Hrvata, što i danas negativno utiče na stabilnost BiH.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуськова 2001 – *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. 720 с.
2. Никифоров 1999 – *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999. 262 с.
3. Boras 2002 – *Boras F.* Kako je umirala Socijalistička Republika Bosna i Hercegovina. Mostar: Slobodan Praljak, 2002.
4. Lučić 2008 – *Lučić I.* Bosna i Hercegovina od prvih izbora do međunarodnog priznanja // *Časopis za suvremenu povijest*. br. 1. Zagreb: Hrvatski institute za povijest, 2008.

5. Mrduljaš 2009 – *Mrduljaš S.* Hrvatska politika unutar BiH u kontekstu deklarativnoga i realnoga prostornog opsega Hrvatske Zajednice/Republike Herceg-Bosne (1991.– 1994) // Društvena istraživanja. Vol.18, br. 4 – 5. Zagreb: Institut za primijenjena društvena istraživanja, 2009.
-

Подчасов Николай

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Медийният резонанс върху визитата на патриарх Кирил в България по случай 140-та годишнина от Освобождението на страната от турско робство

През 2018 г., по време на празнуването на 140-годишнината от Освобождението на България, патриарх Кирил посети тази страна. Неговото посещение привлече засиления интерес на медиите - по-точно не самата визита, а думите на патриарха, адресирани до президента Румен Радев. Дядо Кирил е изразил своето недоумение от неговите думи, че Освобождението на България е заслуга не на Русия като страна и, съответно, на нейните поданици, а на Русия и много народи, като украинци, белоруси, финландци, поляци и т.н. В българските и руските СМИ това предизвика голям брой публикации, съпроводени с множество антируски и антибългарски изказвания. Причините за такъв резонанс не бива да се търсят в действията на конкретните индивиди, а в сблъсъка на идеологическите понятия, присъщи на руския и българския медиен дискурс.

В България относно ролята на Русия в Освобождението ѝ се борят две концепции. По-точно съществува една стабилна историческа концепция, която в момента е подложена на различни атаки и опити за ерозия. Това е концепцията за Русия като страна-

освободителка на славянските народи. Против нея се изказват редица политически сили – от либерални до националистически. През последните години българското ръководство демонстрираше доста решително отклонение от концепцията за Русия-освободителка. Бяха направени няколко опита да се намали ролята на Русия. Така през 2014 година министър-председателят Борисов се опита да оспори самия факт на "турското робство", като го замени в своята реч с "чуждестранно управление". Този опит се оказа неуспешен. По-успешна стана замяната на Русия като страна-освободителка със списък на някои народи, които са населявали многонационална Руска империя (румънци, финландци, украинци, белоруси, поляци, литовци). Новият президент на България Румен Радев, който се смята за русофил, се опита да съчетае концепцията за Русия-освободителка със този списък на "народи-освободители": той е сложил Русия на първо място, но заедно с това е споменал и редица народи, които са проливали кръв за освобождението на България. Това звучеше по-неутрално, но идеологическият смисъл на споменаването само на народите, които вече имат своя държавност, е извън съмнение. Това е причината за реакцията на патриарха, който посочи недопустимостта на такива неясноти.

Но в българското общество изявлението на патриарха се възприе не в контекста на борбата между двете разбираня за събитията от XIX век, а в светлината на съвременната вътрешна политика. Основното съдържание на политическата борба в България на този етап е съперничество между премиера Борисов – главно действащо лице от национален мащаб - и изгряващата звезда на президента Радев, чиито позиции все още не са достатъчно силни, но който в момента има най-високият рейтинг на народното доверие. В същото време Радев е подкрепен както от русофили, така и от проевропейски граждани. Всеки в България знае, че речта на президента е най-благогласна по отношение към Русия в сравнение с всичко, казано

през този ден от правителствените служители, включително и от премиера Борисов. Ето защо думите на руския патриарх не се възприеха като възстановяване на историческата справедливост, а като удар срещу позициите на президента, при това - несправедлив и неочакван удар, почти удар в гърба.

Аналогично и в руските медии цялата история се оказа вписана в контекста на националния дебат. Либералните публикации използваха момента, за да обвинят сегашните власти в груба намеса в работата на другите страни. Консервативните медии подкрепиха патриарха, но направиха това, както обикновено, обвинявайки българите и ги наричайки "неблагодарни братушки".

Очевидно е, че резонансът на думите на патриарха в българските и руските медии е свързан с особености на националните дискурси и почти няма нищо общо с въпроса за Освобождението на България.

Евстафьев Никита

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)*

Динамика на повествованието в разказа на Елин Пелин

«На оня свят» и в превода му на руски език

- Високата динамика на повествованието във всяко произведение прави текста «по-жив», по-четивен и по-лесен за разбиране.

- Според известния български езиковед Мирослав Янакиев динамиката на повествованието във всеки текст е пряко свързана с «глаголната му температура» [Янакиев 1970: 189].

- М. Янакиев определя вербалната (глаголната) температура като процент на глаголите от общия брой на думите в текста.

- В работата си ние правим опит да определим глаголната температура в българската и руската версия на разказа на Елин Пелин «На оня свят».

- Елин Пелин (1877-1949) е прочут български писател, автор на много разкази, стихотворения и други произведения. «В литературата ни, - пише проф. П. Зарев, - няма писател, който като него да обхваща обективния свят и да го тълкува в стремителното му развитие на толкова малък терен. В построяването на голямата архитектура, която изцяло пресъздава света в малка епическа форма, Елин Пелин у нас е без съперници» [Зарев 1977: 213].

- В българската версия (в оригинала) ние виждаме значителен брой глаголи – около 22% и по-малък брой съществителни – не повече от 19%.

- В превода на руски език, направен от преводачите Ирина Воробьова и известния руски и съветски езиковед Никита Толстой [Пелин 1975], ситуацията е точно обратната: броят на глаголите в руския вариант е не повече от 19%, докато броят на съществителните съставя приблизително 24%.

- Съпоставителният анализ на двата текста показва, че разликата се дължи преди всичко на факта, че в руския език глаголът «быть» в сегашно време често се изпуска. Освен това в руската версия на разказа може да видим, че глаголи понякога се заменят с частици и други части на речта. Имат място и грешки от субективен характер, когато на мястото на български глаголни конструкции при превода се появяват руски номинативни.

- Изследването потвърждава идеята на един друг български езиковед - Р. Мутафчиев, че «глаголът ... стои в отрицателна корелация спрямо съществителното...» [Мутафчиев 1963: 281].

- Проверихме освен това и още едно интересно твърдение на автора. Според Мутафчиев «в първата половина на всяко произведение съществителното има по-висока квота, а глаголът пониска, докато във втората половина на произведението обаче съществителното намалява квотата си, а глаголът я увеличава...» [Мутафчиев 1963: 281]. За съжаление, тази идея не е получила подкрепа в изследвания текст. Глаголите имат еднакво висока квота и в първата и във втората половина на разказа. Получените резултати показват, че Елин-Пелиновият текст е много динамичен от началото си чак до края.

- В заключение може да кажем, че българският текст има по-висока вербална температура в сравнение с руския му превод, но това различие по-скоро е свързано с междуезиковата граматична асиметрия, а не със субективния избор на преводачите.

Ексерпирани източници:

1. Пелин Е. На оня свят // Съчинения. Т. 1. София, 1972.
2. Пелин Е. На том свете / Перевод И. Воробьевой и Н. Толстого // Избранное. М., 1975.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарев 1977 – *Зарев П.* Панорама на българската литература. Т. 2. София. 1977. С. 213.
 2. Мутафчиев 1963 – *Мутафчиев Р.* Някои статистически наблюдения върху стила на българската мемоарна литература от последното десетилетие на миналия век // Славистичен сборник. София, 1963.
 3. Янакиев 1970 – *Янакиев М.* Стилистиката и езиковото обучение. С. 185-190.
-

Бондаренко Татьяна

(МГУ имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет
Россия, Москва)

Глаголи на говорене и ситуативните им синоними
в българския и руския художествен текст

Прочутият български преводач и преводавед С. Флорин в книгата си «В словесните дебри» [Флорин 1990] отделя специално място на глаголите на говорене. Той отбелязва факта, че някои преводачи, като следват стриктно текста на оригинала, често използват глагола «кажа», при това че българският език е достатъчно богат и разполага с инструментариум, който позволява «вечното» каза да се замести с много други синоними.

С. Флорин пише: “Не само в пиеси, а във всеки разказ и роман срещаме тази ремарка (френска дума), с която авторът пояснява изреченото от неговите герои, то ест допълва пряката им реч”. И продължава: “... понеже ни е ясно, че героят казва еди-какво си, не е ли по-важно да разберем как го казва, с какво изражение го казва? Но защо да прибъгваме до многословие? Не му ли е тука мястото на нашият богат и пребогат глагол? Като че ли няма чувство или настроение, което да не може да се изрази със съдържателен български глагол и да се избегнат безбройните каза?” [Флорин 1990: 90].

За да ни покаже възможностите на българския глагол, той предлага един списък от повече от 300 глагола, с които може да се замести «вечното» каза.

В нашето изследване проверихме дали българските автори и преводачи злоупотребяват с използването на «вечното» каза и анализирахме как глаголите на говорене и техните ситуативни

съответствия се предават при превод от български на руски и от руски на български език.

Анализът беше извършен въз основа на три автентични разказа и преводите им (вж. Екскерпирани източници).

Извадихме от текстовете всички глаголи на говорене и ги сравнихме със списъка на С. Флорин.

Нашето проучване показва, че българските автори не са склонни в повечето случаи да използват глагола "кажа" и предпочитат да си служат със синонимите му. Така в разказа на Е. Пелин «На оня свят» има 16 глагола на говорене: «казвам» се среща само веднъж, но «река» — 4 пъти. В превода се използва само глаголът «сказатъ».

В разказа на А.П. Чехов «Нищий» има 13 глагола на говорене. «Сказатъ» («кажа») — се среща 5 пъти (по-често отколкото в автентичните български текстове). Преводачът И. Влагова дава точни български еквиваленти, в резултат на което в българския вариант глаголът «кажа» също е представен 5 пъти, както в руския оригинал.

Добрите преводачи винаги се опират върху широкия контекст, защото речниковите съответствия, за съжаление, понякога подвеждат. Като пример можем да посочим няколко превода на разказа на З. Карабашлиев «История с торта». Там има един фрагмент, в който авторът използва глагола «викам». Съответствието му в речника е «кричатъ», но в този разказ глаголът «викам» (кричатъ) е използван като синоним на глагола «казвам». Този текст беше преведен от много участници в студентския конкурс по художествен превод. Глаголът «викам» получи много варианти за превод, обаче не всички се оказаха сполучливи: *кричал, вдруг закричал, говорил, проговорил, воскликнул, промямлил, пролететал, сетовал, казал.*

Широкият контекст подсказва, че сетовал по-точно съответства на ситуацията.

В заключение може да отбележим, че списъкът на С. Флорин наистина е много дълъг, но далеч не е пълен. Дори нашето малко изследване позволява да го попълнем с още 4 глагола: поздравявам, протестирам, набирам се, прекъсвам и с поне едно фразеологично съчетание: отвори уста.

Ексерпирани източници:

1. Карабашлиев З. История с торта. [Електронный ресурс] URL: https://www.capital.bg/light/neshta/razkaz/2008/12/17/602379_istoriia_s_torta/

2. Пелин Е. На оня свят // Съчинения. Т. 1. София, 1972.

3. Пелин Е. На том свете / Перевод И. Воробьевой и Н. Толстого // Избранное. М., 1975.

4. Чехов А.П. Нищий. [Електронный ресурс] URL: <http://ilibrary.ru/text/1144/p.1/index.html>

5. Чехов А.П. Просяк. Превод: И. Владова. [Електронный ресурс] URL: <https://chitanka.info/text/11124-prosjak>

ЛИТЕРАТУРА

1. Флорин 1990 – Флорин С. В словесните дебри. Практика на превода (с теория между редовете). София: Изд-во “Народна Просвета”, 1990.
-

Зубкова Александра

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Россия, Москва)*

**Способы образования феминитивов
на материале русского и болгарского языков**

На данном этапе развития языка актуальной темой являются феминитивы. Они обозначают лиц женского пола по профессиональной, социальной, религиозной принадлежности и, как следствие, процесс феминизации.

В социологии термин феминизация обозначает возрастание доли участия женщин в каких-либо социальных, экономических или политических процессах или сферах.

Образование феминитивов исторически свойственно славянским языкам, что подтверждается сравнительным анализом материала русского и болгарского языков.

В болгарском языке для образования названий лиц женского пола используются такие продуктивные суффиксы, как: *-к/-*, *-ачк/-*.

В русском языке наименование профессии женского рода можно образовать с помощью суффиксов: *-к/-*, *-иц/-*, *-ниц/-*, *-их/-*, *-ш/-*, *-есс/-*, *-ис/-*, *-ичк/-*. Многие из этих суффиксов имеют ироническую, шутовскую окраску, относятся к разговорной речи. В болгарском языке такой тенденции не наблюдается.

Конечно, оттенкам значения свойственно с течением времени утрачиваться и изменяться, следовательно, наиболее стилистически окрашенные в русском языке суффиксы «-ш(а)» и «-их(а)» могут стать стилистически нейтральными.

Феминитивы касаются идеологии языка и общества. Акцентирование на их употреблении позволяет широко использовать их для выражения различных эмоционально-экспрессивных, эстетических и этических оценок. Употребление парных наименований мужского и женского рода предполагает высокий уровень коммуникации, облегчает перевод, и самое главное, не ущемляет права женщин. Поэтому аргументы против использования феминитивов являются несостоятельными и свидетельствуют о языковом консерватизме.

Грунина Анна

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Россия, Москва)*

Ономастическое пространство повести

Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова»

В данной работе рассматривается ономастическое пространство повести Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова», семантический потенциал собственного имени – номинации главной героини, его роль как текстообразующей единицы художественного текста.

Произведение Ф.М. Достоевского диалогично, так как по способу повествования оно представляет собой сказ, повествование от лица вымышленной героини, представительницы отличной от авторской и читательской социальной среды, вступающей в тесный диалог с читателем, без посредничества автора. Диалогичность также осуществляется в повести через общение между собой остальных героев. Присутствие большого количества речевых форм позволяет отметить разнообразие «голосов» [Андреева 2015: 13], их не слияние. Но все эти «голоса» связаны с личностью главной героини.

Концептуально значимой единицей данного художественного текста является оним Неточка Незванова. Он (оним) вынесен в название повести, этим определяется семантическая целостность всего текста.

Антропоним Неточка – это уменьшительно-ласкательная форма, образованная от онима «Анна» [Суперанская 2005: 257]. Оним Неточка образовался от Нета при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса -очк-, а имя Нета, в свою очередь, произошло от собственного имени Анна. В художественном тексте отмечено 52 употребления варианта имени Неточка, тогда как антропоним Анна, как номинация главной героини, встречается всего один раз в повествовании, объясняющем, откуда появилось имя Неточка. Это мотивируется тем, что оним Анна несет оттенок официальности, может употребляться в формальном контексте и, следовательно, не может использоваться в качестве ласкательного.

В ономастическом пространстве повести номинация Неточка, данная в названии произведения, представляет собой интродукцию как особый способ введения имени в текст. Для повести «Неточка Незванова» характерна комплексная интродукция, показателем которой является не только наличие онима в названии произведения, но и сказовая форма повествования.

Имя собственное в тексте художественного произведения обладает набором определённых функций, одной из которых является функция перспективации, функция участия собственного имени в развитии повествования. В повести Ф. Достоевского героиню с самого начала именуют Неточкой, а ближе к концу произведения к ней начинают обращаться по имени Аннета. Такая разница в употреблении формул одного и того же имени в тексте может быть обусловлена развитием образа главной героини, ее переходом в новую возрастную и жизненную фазу.

Таким образом, имя собственное как лингвистический феномен играет важную смыслообразующую и текстообразующую роль в образной системе произведения, являясь не только семантическим стержнем текста, но и композиционным ядром повести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева 2015 – *Андреева К. А. Новичкова Л. Н.* Полифония раннего произведения Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова» // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 10 (52) 2015, часть 1. С. 13-17.

2. Суперанская 2005 – *Суперанская А. В.* Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005.

Щербинина Мария

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Россия, Москва)*

Неолексикон В. Хлебникова: семантический и словообразовательный аспекты словотворчества в поэзии

Объектом исследования данной работы является язык поэзии В. Хлебникова. Предмет исследования – неолексемы и их семантический и словообразовательный потенциал. Актуальность работы заключается в необходимости разработки лингвостилистических вопросов поэтического творчества В. Хлебникова.

В ходе работы были поставлены следующие задачи: 1) собрать фонд новых лексем в словотворчестве В. Хлебникова, описать эти единицы в семантическом, словообразовательном и стилистическом аспектах; 2) выявить словообразовательные модели, на базе которых создаются новые слова; 3) определить семантическую специфику словообразовательных механизмов в творчестве поэта.

Для анализа было отобрано 21 лексическая единица.

В. Хлебников, будучи приверженцем футуризма, стремясь к реформации, обновлению «строя» языка, занимался поисками идеального языка, раскрепощённого «самовитого» слова, которое бы противостояло принятым нормам стихотворной речи. Создание звездного, заумного языка, находящегося за пределами разума, заключалось, по мнению поэта, в «свободных сочетаниях» основных элементов речи, которые не лишены при этом смысла. Это язык «общий для всех народов третьего спутника Солнца, понятный и приемлемый для всей населенной человечеством звезды» [Хлебников 2016: 1291]. В. Хлебников рассматривал заумь как «грядущий мировой язык». Для него этот язык был не только способом поэтического выражения, но и новое средство для переустройства мира, его идеализации.

Особое место в создании языка играла звуковая сторона: звуковые образы, звукопись, звукоподражание как элементы звучащей реальности. Все это было необходимо для усиления выразительности и изобразительности речи.

Семантическая игра с лексическими единицами порождала необычные образы. Поэт использовал и неологизмы, созданные другими авторами (свои, введенное в оборот Р. Якобсоном); и слова из других языков (особенно привлекали его славянские по происхождению: украинские – жинка (жена), хустка (платок), хибя (недотаток); сербохорватские – дебло (ствол дерева), зличь (ложка). Активно использовались и архаизмы (волога вместо влага, вран вместо ворон); и фонетически переосмысленная просторечная и диалектная лексика (сматри вместо смотри, жана вместо жена). Специальная имитация неправильной речи приводила к особой образности (ходы вместо ходи; осударев вместо государев; сомашечий вместо сумасшедший), зачастую граничащей с разложением слов в

духе шарад («В Сиби, в Сибирских су, Сугро, Сугробах белых») [Хлебников 2016: 619].

Словообразовательные операции В. Хлебникова можно разделить на две группы.

Аффиксация (прибавление к основе слова аффикса) – суффиксация (буйва, жертветь, достоевскиймо), постфиксация (щебетаться), префиксация (завысокий, выстонать), префиксация + суффиксация (бездумие, озвуковывать), префиксация + постфиксация (залюбиться), суффиксация + постфиксация (милеться). Внутри этого типа можно выделить разные типы конверсии – создание нового слова с помощью превращения основы (зыбь → зыба, мочь → могий) или с помощью использования префикса (развлас, низлом, заокий, омамаить), префикса и постфикса (прилукавиться), или «извлечения аффикса» [Улуханов 1996: 18] – перехода суффикса в самостоятельное слово (дети господ «истов»). В результате конверсии может наблюдаться изменение семантики слова (у В. Хлебникова слово легот употреблено в значении «легкий ветер», в заговорах же оно встречается в значении «безветрие»), а также совмещение значений, при котором возникает омонимическая неопределенность (Мера то полна овса, то волхвует словом; здесь лексема мера – единица веса и стихотворный размер: мера зерна / мера волхвует словом).

Словосложение, в котором выделяются «чистое» [Григорьев 2000: 309] словосложение (камнеправда, социал-зодчий, морсконца) и «грязное» [Григорьев 2000: 309] словосложение (префиксально-сложный Бог+завет→обоговет; суффиксально-сложный жирафповец; постфиксально-сложный самоправиться; конверсно-сложный судьболов, царепад).

Анализ лексем показал, что в произведениях В. Хлебникова преобладает суффиксальный способ словопроизводства. Например, в

значимом для футуризма стихотворении В. Хлебникова «Заклятие смехом» (1908-1909 года) обыграно всего одно слово смех. Благодаря аффиксации слова обретают не только разную частеречную принадлежность, но и необычную семантику: суффиксация – смехачи, смеянствуют, смеяльно, усмеяльно, смешики, смеюнчики; префиксация+суффиксация – усмеяльно, рассмешищ, надсмеяльных, усмейных, рассмеяльно; префиксация – усмей, осмей; префиксация+постфиксация – иссмейся.

В стихотворении «О, достоевскиймо бегущей тучи!» (1908-1909 года) употреблены неологизмы достоевскиймо и пушкиноты. Образование данных слов можно толковать двояко: а) добавление к фамилии (основе слова) редких суффиксов -м(о) и -от; б) сложение (усечение+наложение основ) двух слов (достоевский и письмо), (пушкин и красоты). Мотивирующая основа при создании В. Хлебниковым новых слов дает вектор семантического развертывания. «Свернутый» знак внутри неолексемы определяет ее семантическую сущность. Производящая основа отсылает к экстралингвистическому фону.

Анализ лексических единиц позволяет говорить о глубокой смысловой мотивированности, креативных способах выражения языковой картины мира в творчестве В. Хлебникова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев 2000 – *Григорьев В. П.* Будетлянин. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М., 2000.
 2. Улуханов 1996 – *Улуханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
 3. Хлебников 2016 – *Хлебников В.* Творения. М., 2016.
-

Дягтерева Ангелина

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Россия, Москва)*

Эмотивные смыслы и способы их репрезентации

(на материале языка прозы Е. Гришковца)

Художественный текст носит субъективный характер и нагружен авторской оценкой. Поэтому изучение текстов в абстрагировании от эмоциональной составляющей невозможно без потери смысла. Настоящая работа посвящена описанию эмотивного контекста, его роли в интерпретации текстового смысла, а также способов репрезентации эмотивных смыслов в прозе Е. В. Гришковца. Материалом для исследования послужили рассказы прозаика «Начальник», «Другие», «Встреча с мудростью».

При создании эмоционального фона Е. В. Гришковец прибегает к разным способам выражения эмотивных смыслов: а) называние эмоций – рациональное отражение чувств через слово-термин, которое «не является эмотивом, так как не выражает эмоцию, а служит лишь индикацией определенного понятия об определенной эмоции» [Шаховский 1987: 91], процентное содержание такой лексики (ревновал, завидовал) в рассказах 14%; б) выражение эмоций – эмоциональное отражение чувств, «при котором сама эмоция не называется, но манифестируется в семантике слова» [Там же] или, например, фразеологизма (черт возьми, выражающего досаду, раздражение), в процентном отношении такие единицы составляют 76%) описание эмоций, такой способ отражения эмоций в исследовании составил всего 10% (я тогда переживал ужасно – эмоции героя усилены наречием, которое служит уточнением глагольного действия, что является иллюстрацией внутреннего состояния героя).

Процентное соотношение свидетельствует о том, что писатель отдает предпочтение выражающей эмоции лексике, так как она, отражая эмоцию «изнутри», является более эффективной. Такой тип лексических единиц В. И. Шаховский называет эмотивами, среди которых выделяются аффективы и коннотативы. Эти эмотивы отличаются друг от друга тем, что значение первого «является единственным способом означивания отраженной эмоции, без ее названия», а во втором «эмотивная доля значения <...> является компонентом» значения слова [Шаховский 1987: 25]. Эмоции ярче и сильнее выражены в статусе значения, в коннотации же они слабее, так как представлены опосредованно, через эмоциональное осмысление признаков ядра значения. Отметим, что в рассказах Е. Гришковца аффективы употребляются реже (22%), в основном используются в речи героев, для собственно авторской речи характерно употребление коннотативов (78%).

Аффективы используются автором при описании моментов сильного возбуждения (восприятие фотографий одним из героев «Здорово! Просто здорово! – сказал я»), коннотативы характерны для осознанного и относительно спокойного переживания эмоций (описание того же состояния с позиции автора – «они были замечательные»). Для автора события, о которых он повествует, находятся в прошлом, поэтому они не вызывают мощных эмоциональных реакций, описываемые чувства уже были пережиты и являются осознанными, более спокойными. Герои же рассказов находятся «внутри» истории, они испытывают эмоциональные потрясения в настоящем, поэтому языковое выражение их чувств представлено ярче, интенсивнее.

Кроме описанных способов репрезентации эмоций, значимым в прозе Е. Гришковца являются паралингвистические компоненты. Чувства, внешние проявления эмоций писатель описывает через

кинемы («Человек, когда начинал свою фразу, стоял ко мне спиной в дальнем конце комнаты, а когда заканчивал свой вопрос, оглянулся, посмотрел на меня и улыбнулся»), просодемы («А у меня каждый день такой, – кислым тоном сказал он нам...»), соматику («А солдаты ели котлеты, восторженно говорили о давно забытом вкусе и вообще покраснелись от еды и удовольствия», «Я полностью растерялся, молчал и краснел»). Полифункциональность паралингвистических компонентов заключается в том, что авербальный знак, может выполнять ряд функций, присущих вербальному, – социативную, эмотивную, репрезентативную и ряд других, кроме того, он может выступать сопутствующим элементом основной информации или использоваться для снятия языковой избыточности [Горелов 2007: 10-14].

Паралингвистические компоненты выполняют в прозе Е. Гришковца следующие функции: коммуникативную (пожал плечами – замена вербального ответа «да»), эмотивную (на лице моём была улыбка, маленькая улыбка – мимика как паралингвистический знак), дополняющую, когда кинемы, просодемы или соматика вместе с озвученной информацией представляют единое целое («А фотография у тебя скучная, неживая... никакая! — он горячился и тыкал пальцем в мои снимки»; через эмотивы скучная, неживая и никакая, а также через синтаксическое средство (восклицательный знак) передана сильная эмоция огорчения и раздражения, дополненная автором паралингвистическими компонентами (горячился и тыкал пальцем). Все функции авербальных знаков направлены на формирование эмотивного контекста.

Е. В. Гришковец для передачи той или иной эмоции использует графические средства. Специфические знаки препинания: вопросительный и восклицательный знаки, многоточие – наиболее простой способ отображения просодии и эмоциональных

переживаний. Репрезентация эмфатического ударения представлена графическим выделением гласных (средство выражения положительных эмоций Да-а-а! – восторженный крик героя во время просмотра фильма; Во-о-от они, ручки мои! – передача приподнятого настроения, дополненное паралингвистическим компонентом; или противоположное чувство досады, усиленное паралингвистическим знаком, А-а-а! – он махнул рукой). Для выражения авторской иронии, оценки в прозе используется визуальное (графическое) выделение слова (о закрытом показе фильма – «В маленьком зале кинотеатра "Время" собралось ОБЩЕСТВО», «Лучшие места заняли полноправные члены ОБЩЕСТВА и киноклуба»).

Описанные способы репрезентации эмоций чаще всего используются Е. В. Гришковцом комплексно. Каждый из них позволяет писателю более глубоко раскрыть собственные чувства и переживания героев с различных сторон, формирует эмотивный контекст, помогающий писателю донести до читателя эмоциональную составляющую смысла текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов 2007 – *Горелов И. Н.* Паралингвистика: прикладной и концептуальные аспекты // Невербальные компоненты коммуникации / Отв. Ред. В. Н. Ярцева. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 7-25.

2. Шаховский 1987 – *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987.

3. Гришковец Е.В. Начальник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/nachalnik-read-151440-1.html>

4. Гришковец Е.В. Другие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=167110>

Богачева Анна

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет
иностраннных языков и регионоведения
Россия, Москва)*

**Методолошки приступ студији компаративне митологије према
књизи М. Елијадеа "Мит о вечитом повратку"**

Мирча Елијаде у својој књизи "Мит о вечитом повратку" проучава архаичну свест и открива главне разлоге настајања митова. За свој рад користио је митове и ритуале разних народа - од Меланезијанаца и Аустралијанаца до Сумера и племена Балканског полуострва. Елијаде сматра да је проучавање феномена историје његов главни циљ, али напомиње да књига такође разматра основне концепте живота племена која се налазе у архаичној фази свог развоја. Аутор се базира на примерима ритуала или митова, комбинујући их у семантичке групе. Једна од њихових главних карактеристика је такозвани страх од историје, ванвременског постојања. То се објашњава на следећи начин: сви носиоци архаичне свести покушавају да живе живот, имитирајући неки архетип. "Примитивна" особа "не чини ништа што већ није учинио и доживео неко раније од ње, неко други који није био човек" [Элиаде]. Стога је природни разлог за порекло мита образац, модел примарне акције према којем је сваки човек градио свој живот. Такав архетип је био присутан у свему. Свака територија која је заузета у циљу да се на њој живи или да се употреби као животни простор најпре се претвара из хаоса у простор, односно под утицајем ритуала добија одређен облик помоћу чега она постаје стварна. На пример, у Индији је легитимизирање власништва над земљиштем остваривано кроз подизање олтара у част Агнија (бога ватре).

Свако ново стварање репродукује Космогонију (стварање света). Другим речима, када се производи нешто ново (било да је то град,

кућа, храм), особа симболично репродукује акције које су примењиване током стварања света. То објашњава распрострањеност обреда жртвовања, јер је у космогоничком миту постојала епизода са жртвовањем змије која је оличење хаоса. Људске акције се легитимишу када имају божански прототипни модел. Понекад се мит јавља након настајања самог обреда, али то не мења суштину. Као пример се може навести церемонија пребрачних односа будућих супружника код старих Грка и каснији мит о сличним односима Хере и Зевса.

Мит је последња, и никако није прва фаза развоја хероја. Прави догађај је могао да се деси давно, могао је да буде акција просечне личности, али временом може да буде подигнут до одређене висине, представљен као веома значајан и преображен у мит. Колективно сећање је анти-историјско.

У основи појаве годишњег протеривања грехова, болести и сличног лежи покушај да се обнови оригинално митско време, чисто време. Цела прослава Нове Године је у ствари успостављање првобитног времена, то јест, понављање Космогоније. На пример, о томе сведочи акита (новогодишња церемонија код Вавилонца) – у току дванаест дана одмора више пута се рецитовала у свечаној атмосфери «Песма о стварању света».

Тако се може објаснити порекло мита, његов узрок и улога коју је мит играо у животима људи. Према Елијадеу, митови су, пре свега, модел понашања који "легитимише" поступке особе и доказује њихову исправност у свести архаичне особе. Човек је све урадио према божанском узорку (то јест, у складу са митом). Мит је такође помогао људима да превазиђу трагедије, а што је најважније – страх од непознате будућности. Сваки мит се може посматрати у смислу функције коју је вршио у животима људи, објашњавања одређеног аспекта њиховог живота и разлога за шта је служио као архетип.

ЛИТЕРАТУРА

1. Элиаде – *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://predanie.ru/eliade-mircha/book/218466-mif-o-vechnom-vozvrashchenii/> (дата обращения 06.06.2018).

Борискина Елизавета

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет
иностранных языков и регионоведения
Россия, Москва)*

Фројдова психоаналитичка теорија и порекло митова ("Тотем и Табу")

Сигмунд Фројд прилази проучавању компаративне митологије на основу психоанализе. У свом делу "Тотем и Табу" упоређује митолошке представе старих народа с поремећајима људске психе, на које је наишао у току своје праксе.

Аутор сматра за извор табуа код дивљих народа болест опсесивно-компулсивне неурозе. Он верује да је табу забрана усмерена против најснажнијих људских жудњи, а уздржавање је средство за њено поштовање.

Табу у вези са инцестом, како је Фројд веровао, био је аверзија људи на њихове првобитне, а касније потиснуте инцестуозне жеље. Дивљи народи су налазили да су инцестуозне жеље опасне и тражили начин како да их предупреду. Тако, «код Баронгоса у заливу Делагоа, ако се мушкарац нађе негде са својом снахом (женом брата своје жене), пажљиво је избегава. Не ризикује да једе са њом из исте чиније, неодлучно с њом разговара, не усуђује се да уђе у њену колибу и поздравља је дрхтавим гласом» [Фрејд а].

Табуи који ограничавају живот краљева служе за сврху бриге о краљу, његовој заштити. Такав однос према владару, сматра Фројд, такође спада у симптоме опсесивне неурозе, тачније, претеране бриге изазване вишком нежности у човеку.

Непријатељски став људи према мртвима резултат је не само страха од њих него страха од смрти. То је узроковано опсесивним очајем, израженим у бојазни да ли су можда они узрок смрти вољене особе. Та бојазан настаје као реакција на несвесну жељу човека да причини смрт свом ближњем кад би за то имао довољно снаге. "То скривено у несвесном иза нежне љубави непријатељство постоји у скоро свим случајевима снажне везаности за одређену особу" [Фрејд б]. Природа покајања, својствена овој реакцији, манифестује се у томе да се осећа страх, намећу лишавања и људи су изложени ограничењима, која су делимично маскирана као заштитне мере против демона-непријатеља (преминулог).

Креативном осмишљавањем кривице, по Фројду, настају нове норме морала и сталне рестрикције као што су кајање због почињеног злочина и као мера предострожности против оних који тек могу да се почине. Он сматра да је "само импулса усмерених против оца, као што је жеља да се он убије и поједе, може бити довољно да се изазове морална реакција која је створила тотем и табу" [Фрејд в]. У вези с тим не можемо да се не сетимо пре свега митова о Едипу и Електри, као и о Аполлону и Дафни, Пану и Сиринги.

Фројд износи идеју да је у савремено доба немогуће бити апсолутно сигуран у природу настанка табуа и тотемизма (дакле, и мита): "не може се унети у унутрашњи богати свет примитивног човека и неуротичара наш објективан свет, пун материјалних блага и презира за оно што је само предмет мисли и жеље" [Фрејд г].

Фројдова теорија је применљива на проучавање многих културних појава. Артефакти су резултат активности човека, стога

њихово стварање не може а да не утиче на његово психичко стање. И по правилу, у психичком стању особе је разлог за настанак једног или другог културног феномена. Њиховом корелацијом са различитим стањима људске психе могу се идентификовати основе за формирање тих феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейд а – *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yourdreams.ru/biblio/pages/sigmund-freud-tt-3.php> (дата обращения 01.06.2018).
 2. Фрейд б – *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yourdreams.ru/biblio/pages/sigmund-freud-tt-8.php> (дата обращения 01.06.2018).
 3. Фрейд в – *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yourdreams.ru/biblio/pages/sigmund-freud-tt-24.php> (дата обращения 01.06.2018).
 4. Фрейд г – *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции 1-15. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/PSIHO/FREUD/lekcii.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 01.06.2018).
-

Журавлева Александра

*(МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет
иностраннных языков и регионоведения
Россия, Москва)*

Симболизам бројева код Дантеа Алигијерија

Обично, кад говоримо о Дантеу, сећамо се његове "Божанствене комедије", дела које и данас привлачи читаоце, упркос чињеници да је заплет "Комедије" – лутање кроз загробни живот – представњен у популарном за средњовековну књижевност жанру "визија" или "хода по мукама" и говори о мистеријама загробног света. Много интересантнији од жанра је садржај који је аутор успео да унесе у ове, скоро стандардизоване жанровске оквире, где износи своје политичке погледе, морални суд савременом друштву као и дубоку филозофску рефлексију. Углавном захваљујући овим факторима, поема привлачи и интересује читаоце у току скоро седам векова, одушевљава их својом дубином и разноликошћу.

"Божанствену комедију" карактерише јасна и добро осмишљена композиција: подељена је у три дела, од којих сваки приказује један од три нивоа загробног света према католичком учењу - пакао, чистиште и рај. Сваки од њих се састоји од 33 песме, док је «Паклу» придодата још једна песма-пролог, тако да поема укупно садржи 100 песама уз троструку њихову поделу. «Комедија» је испевана у терцинама. «Пакао», који се састоји од 34 песме, једини је елемент који крши хармонију структуре «Комедије». Рај и пакао садрже по девет кругова. Луцифер уроњен у лед мучи у троја своја уста тројицу издајника величанства земног и небеског: Јуду, Маркуса Јунија Брута и Касија. Бројеви 3 и 9 могу се наћи и у ранијем Дантеовом делу «Нови живот» (1292. или 1293), где песник говори о својој љубави према Беатриче Портинари.

На почетку приче сазнајемо да је аутор први пут видео Беатриче као деветогодишњак, кад се она приближавала својој деветој години. Бројеви "девет" и "три" у свим његовим делима су вишезначни и претходе Беатричевој појави. Број "девет" бележи њено дечије доба кад је примећује момче Данте, као и њену појаву на пролећној фирентинској фешти кад ју је видео на врхунцу процетале девојачке лепоте. Беатриче је умрла када се савршени број "десет" поновио девет пута (1290) [Голенищев-Кутузов 1968: 4].

Број "три" је квадратни корен од «девет», јер без помоћи другог броја производи «девет» пошто је очигледно да три пута три чини девет. Ако је он сам у стању створити девет, док је Творац чудеса у самом себи Тројство, то јест Отац, Син и Дух Свети – три у једном – треба закључити да је ту даму пратио број девет у циљу да сви разумеју да је она сама девет, дакле чудо само и да је корен тог чуда једино чудотворно Тројство [Данте 1967: 146]. Такав смисао је видео сам песник у симболици бројева.

Верује се да је симетрију и употребу "магичких бројева" Данте преузео из средњовековних идеја о равнотежи и затворености уметничких дела, али постоје радови у којима се разматра утицај питагорејаца на обиље бројева и њихово тајно значење код средњовековних аутора. Ипак је највероватније да је песник следио своје сопствене циљеве постижући одређени ритам, динамику и хармонију "Божанствене комедије". Математички прецизна геометрија пакла, пропорционалност између "Комедије" и «Пакла», владајући у њима симболизам бројева су одраз тежње космичкој хармонији, потпуном складу и јединству са Богом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голенищев-Кутузов 1968 – *Голенищев-Кутузов И. Н. Данте Алигјери. Малые произведения. М.: Наука, 1968.*

2. Данте 1967 – *Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия.* М.: Художественная литература, 1967.

Оленева Яна

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Россия, Москва)*

**Символическое изображение Иордана в иконографии Крещения –
от византийских к древнерусским памятникам**

Большая часть изображений Иордана, как обычных, так и символических, связана с иконографией Крещения.

Первые попытки изобразить Крещение возникли в древнеримских катакомбах и сильно отличались от более поздних иконописных канонов.

Истоки символических изображений усматривают либо в античности [Муратов 2008: 131], ссылаясь на известные в античную эпоху скульптуры (например, изображение Нила и его локтей, Кефиса в западном фронтоне храма Зевса в Олимпии), либо в самой христианской религии [Филатов 1997: 255; Бобров 1995: 240], ища объяснения в исконно христианской символике и стремлении художника воплотить слово в зрительном образе (представление Иисуса Христа в виде доброго и кроткого агнца, рыбы, написание его имени хризмой, изображение Святого Духа в виде голубя, а паствы – в виде оленей, пробирающихся к источнику).

В связи с этим Н. В. Покровский [Покровский 2001: 371], а затем и другие, более поздние исследователи обращаются к словам Писания, в которых оживает водная стихия: «Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять» (Пс. 113, 3). В символах иконы священная река, очищающая и исцеляющая, обретает своё лицо, свою душу и

потому и изображается не только с помощью линий-волн, но и скрытыми в ней человеческими фигурами.

К наиболее древним и известным примерам такого рода можно отнести мозаичные изображения в центре купола в Кафолическом и Арианском баптистериях в Равенне.

Н. В. Покровский в своём исследовании «Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских» подробно разбирает разные варианты изображения Иордана. В целом, их можно разделить на несколько групп.

1) Одиночные изображения, где Иордан, представленный в виде старца или молодого человека с сосудом, удаляется от Спасителя, что связано со словами «обратися вспять». 2) Одиночные изображения, где Иордан восседает на рыбе (или предстаёт в окружении множества рыб) и таким образом ещё больше сливается с образом водной стихии. 3) Изображения, где рядом с Иорданом соседствует ещё одна фигура – женская, в иконографической традиции символизирующая море. Её появление, с одной стороны связывают с упомянутым выше пророчеством, а с другой – с чудесным переходом евреев через Красное море, а это событие в Священном Писании Нового завета (1 кор. X) изъясняется в смысле пророчественного указания на Крещение. 4) Изображения, где сам Иордан представлен не одной фигурой, а двумя (например, в миниатюрах гомилий Иакова). Покровский поясняет, что появление такого рода изображений связано со старинным преданием (сообщено Иосифом Флавием, Блаженным Иеронимом и другими авторами), согласно которому река Иордан образовалась из двух отдельных источников Иора и Дана. Беря начало в горах, они стекают вниз и образуют одну реку [Покровский 2001: 245]. Подобную картину можно увидеть на ещё одной из иллюстраций гомилий Иакова. Аналогичное раздвоение

Иордана встречается затем и на Руси в Углической и Хлудовской псалтырях.

Традиция символических изображений Иордана, зародившихся в раннехристианский период, удерживается не только в византийских памятниках, но также в новогреческих и русских. Бережно сохраняя унаследованный от Византии иконографический тип, русские иконописцы постепенно трансформируют и наполняют его новым содержанием. Таким образом, на русских иконах были распространены как самые простые изображения Крещения, без подробностей и олицетворений, так и сложные, где возникает множество дополнительных фигур и деталей.

Примерами связи с византийской традицией может служить «Крещение» из церкви Успения с Пароменья начала XIV века (СПб, Эрмитаж, Инв. ЭРИ-228), где Иордан представлен фигуркой у ног Христа и «Крещение» второй четверти XIV века из собрания Национального музея в Белграде, где Иордан представлен в виде двух аллегорических фигур обнажённых юношей (Иора и Дана), сидящих на вершинах утесов и изливающих воду из золотых амфоровидных сосудов.

О расхождении с византийскими памятниками дают хорошее представление иконы, упомянутые Н. В. Покровским, а также объяснения, которые он приводит, чтобы объяснить эти расхождения [Покровский 2001: 266]. На иконе из киевского музея № 56 представляет сцену Крещения изображён старик с надписью «море» и женщина с надписью «Иордан». По аналогии с византийскими памятниками должны быть переставлены. Н. В. Покровский объясняет это расхождение тем, что русские иконописцы не знали о том, что в греческом языке река – мужского рода, а море – женского. Ещё одно расхождение можно наблюдать на иконе из собрания Постникова XVII века. Море и Иордан изображены на ней в виде двух

женщин в неясных очертаниях, из чего можно заключить, что русский мастер вновь, не зная истории олицетворений, допустил ошибку в изображении.

Аналогичные расхождения можно увидеть на иконе из Благовещенского собора в Сольвычегодске 10 мастера Михаила начала XVII века, хранящейся в Русском музее в СПб, на иконе Крещение Господне XV века из Кирилло-Белозёрского монастыря и ряде других икон.

Рассматривая иконографию олицетворений Иордана на Руси, можно заметить, что она пошла двумя путями. Изображения Иордана либо, уменьшаясь в размерах, сохраняют сходство с человеческими фигурами, либо это сходство утрачивается, и, уменьшаясь в размерах, они теряют ещё «плоть» и материальность и как бы становятся частью реки.

К первым можно отнести иконы А. Рублёва и произведения иконописцев, принявших его вариант Крещения за образец. Примерами второго пути, по которому пошли изображения Иордана, могут служить двухсторонняя икона XV века, хранящаяся в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике, «Богоявление» из праздничного чина псковского иконостаса начала XVI века (Музей Русской Иконы, ЧМ-218), на «Богоявлении» из праздничного иконостаса (1520-е годы, Музей Русской иконы, ЧМ-860) и ряде других икон.

Эти различия в иконографии сохраняются вплоть до наших дней.

Внимательное изучение одной изобразительной схемы, представленной последовательно в византийских мозаиках V века, в византийской миниатюре, в древнерусских произведениях иконописи даёт возможность выявить красочность и образность религиозной мысли от средневековья до наших дней и понять, насколько

изменчивым и живым было то, что привыкли называть устойчивой христианской традицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров 1995 – *Бобров Ю. Г.* Основы иконографии древнерусской живописи. Спб., 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icon-art.info/phpBB2/viewtopic.php?t=1575> (дата обращения 4.03.2018)
 2. Древнерусское искусство X – начала XV веков. Под общ ред. Я.В. Брука и Л.И. Иовлевой. – М.: Красная площадь, 1995. 272 с.
 3. Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. 322 с.
 4. Муратов 2008 – *Муратов П. П.* Русская живопись до середины XVII века: история открытия и исследования. Санкт-Петербург, 2008. 429 с.
 5. Покровский 2001 – *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 564 с.
 6. Полный церковнославянский словарь прот. Г. Дьяченко. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavdict.narod.ru/> (дата обращения 4.03.2018)
 7. Филатов 1997 – *Филатов В. В.* Словарь изографа. М., ПСТГУ, 1997. 287 с.
-

Мицу Мария, Маркелов Георгий

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Россия, Москва)*

Трансформация и интерпретация христианских образов и мотивов в русском искусстве конца XX-го – начале XXI веков

Мотивы и символы библейских и евангельских сюжетов находят отражение в культуре на протяжении всего существования христианской религии. Они трансформируются в зависимости от условий существования христианства, но некоторые символы имеют устойчивый аллегорический характер, который со временем не меняется. На рубеже XX-XXI веков визуальная культура становится массовой, а отголоски христианства проникают в работы современных деятелей искусства.

В русском искусстве процесс формирования светской живописи был длительный и неоднозначный. В XIX веке происходит расцвет светской культуры и христианство утрачивает лидирующие позиции, поэтому и художникам открываются новые пути в творчестве.

К примеру, некоторые участники товарищества художественных передвижных показывали ярко выраженные переживания и эмоции героев. Примерами этого являются картина Крамского «Христос в пустыне» и Николая Ге «Голгофа».

В искусстве XXI века отказ от канонического изображения святых и попытку по-новому представить их сакральное значение иллюстрирует проект Константина Худякова и Виктора Бондаренко «deisis/ПРЕДСТОЯНИЕ». Инсталляция подражает русскому иконостасу с Деисусом по центру и изображениями лиц пророков, святых и философов по краям. Проект интерпретирует церковные каноны, сохраняя исходную задачу иконописи [см. deisis].

В современном изобразительном искусстве обращение к библейским сюжетам не является редкостью. Некоторые музеи Современного искусства посвящают этой теме целые залы, как, например, в музее Эрарта в Санкт-Петербурге. Самой яркой работой в зале является инсталляция московского художника Павла Гришина «Тайная Вечеря», прообраз фрески Леонардо да Винчи из монастыря Санта-Мария-делле-Грацие, но в интерпретации Гришина лица персонажей скрыты грубой плотной тканью, поэтому нельзя увидеть эмоций героев, что, по мнению художника, усиливает интригу¹.

Еще одним современным художником, который активно обращается к христианской тематике, является Александр Сигутин², который после перестройки занялся исследованием религии. Художник разместил таблички с текстом ветхозаветных заповедей в современной городской среде, и взамен надписям: «НЕ СОРИТЬ», «НЕ КУРИТЬ», поместил «НЕ КРАДИ», «ПОЧИТАЙ ОТЦА И МАТЬ». Так художник «советской закалки» пытался по мере сил идти в ногу со временем, восстанавливал прерванную связь времён. У художника так же есть несколько серий, посвященных этой теме. Среди них: «Десять заповедей. Супрематическая вязь» – 10 холстов в живописной технике (по количеству заповедей), и «Жизнь замечательных людей», исследующая тональность и структуру традиционной иконы.

Среди работ, имеющих христианские мотивы в форме, но не содержания, можно выделить серию Анатолия Осмоловского «Хлеба» [Осмоловский]. Это инсталляция представляет собой многократно увеличенные хлебные ломти, вырезанные из дерева. Они подвешены к стене и расположены системно так, что невольно вызывают прочную ассоциацию с организацией русского иконостаса. Сам художник утверждает, что иконопись и авангард – две самые

1 Материал предоставлен музеем современного искусства Эрарта.

2 Материал предоставлен pop/off/artgallery.

канонические традиции русского искусства, который он попытался соединить.

В области кино, одного из самых молодых и массовых видов искусства, так же часто встречаются библейские мотивы. Одним из первых режиссеров, затронувших эту тему, был Андрей Тарковский [Евлампиев 2001]. Он практически экранизировал житие преподобного Андрея Рублева в фильме «Андрей Рублев». Тарковский обращался к христианским догматам, которые, через множество иносказаний и незаметных деталей в итоге становились основой сюжетной линии и общего смысла произведения. Примером подобного является кинокартина «Солярис».

В XXI веке российскому кино было даровано больше свободы, стали подниматься ранее ветированные темы, одна из которых - взаимоотношение церкви и правительства. Фильм Александра Прошкина «Чудо» раскрывает сразу множество тем, связанных с православием. В их числе: советская диктатура и пропаганда в том числе и с помощью церкви, понимание чуда как божественного дарования, проблема веры.

Однако, в пору данной русской культуры свободы от цензуры, появляются на свет и кинокартины, которые не просто принижают значимость религии, а выставляют ее полным антагонистом морали и здравого смысла. Ярким примером служит фильм Кирилла Серебренникова «Ученик». В отличие от истории с Авраамом, в фильме все кончается трагично, тем самым автор заставляет задуматься о тех же самых глубоко христианских истинах, таких как помощь и любовь к ближнему.

В современном искусстве распространены сюжеты, следующие христианской традиции. Задачей таких работ является донести суть христианских догматов через форму, доступную для человека современного автору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евлампиев 2001 – *Евлампиев И. И.* Художественная философия Андрея Тарковского. СПб., 2001. 349 с.
 2. Даниэль С. М. От иконы до авангарда: Шедевры русской живописи. — СПб.: Азбука, 2000. 363 с.
 3. «Красота спасет мир»: Интервью с Андреем Тарковским // Искусство кино. 1989. № 2. С. 61–67.
 4. Лазарев С. Е., Курдюмов О. Г. Церковный раскол XVII века в произведениях русской живописи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2015. № 19 (216). Выпуск 36. С. 77-83.
 5. Осмоловский – Мастерская Анатолия Осмоловского. 2007-2009 гг. «Хлеба», А. Осмоловский, 1985-2015. [Электронный ресурс] URL: http://osmopolis.ru/hleba/gallery/a_39 (Дата обращения 27.06.2018).
 6. deisis – deisis/ПРЕДСТОЯНИЕ. К. Худяков и В. Бондаренко, 2006 г. [Электронный Ресурс]. URL: <http://deisis.ru> (Дата обращения 11.03.2018).
 7. Предоставленный материал музеем современного искусства Эрарта.
 8. Предоставленный материал pop/off/artgallery.
-

Васильева Диана

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Россия, Москва)*

Художественные особенности церковных изданий начала XX века в собрании Музея славянских культур ИСК. История создания и бытование акафиста богоматери «Казанская» (изд 1914 г.)

Музей славянских культур ИСК имеет большое собрание церковных изданий начала XX века, которые нуждаются в описании и атрибуции. В своей работе я планирую изучить собрание книг нашего музея, их художественные особенности, провести атрибуцию изданий и составить каталог. Также я планирую проследить историю создания и бытования этих памятников, т.к. именно в истории бытования предметов приоткрываются судьбы людей, возникает правдивый и яркий образ эпохи.

Акафист, находящийся в музее Славянских культур, выпущен Санкт-Петербургской синодальной типографией 15 апреля 1914г. Однако на титульном листе стоит печать библиотеки Казанско-Богородицкого мужского монастыря г. Харбин, Нов. Модигу. Харбин – город, построенный русскими на китайской территории, в революцию стал прибежищем для русских православных людей.

История бытования акафиста нам неизвестна. Большую часть времени находился в библиотеке Казанско-Богородицкого мужского монастыря. Акафист дошёл в довольно неплохом состоянии, сделана кустарная реставрация: книга подклеена, подшита. Обложка книги твёрдая, неоригинальная, форзац книги подклеен белой бумагой с растительными узорами. На форзаце мы можем увидеть часть оставшейся оригинальной обложки. Обложка украшена узорной рамкой из плетёнок и листьев. Титульный лист повторяет оригинальную обложку. На следующем развороте размещен офорт

изображения чудотворной Казанской иконы Божией матери. Перед текстом на титульном листе размещён офорт Богоматери с Иисусом.

Текст книги хорошей сохранности, включает в себя 48 страниц печатного текста, набранного классическим церковнославянским шрифтом. Текст на каждой странице обрамлен тоненькой рамкой, сверху указано название книги и номер страницы. Каждая глава начинается с буквицы-плетёнки. Некоторые слова утрачены, но написаны поверх карандашом. Интересен тот факт, что различные упоминания о государстве / императоре перечеркнуты карандашом. Скорее всего их вычеркнули, чтобы не прочитать случайно в храме, потому что уже империи не было, а Государя не поминали о здравии, о нем молились на заупокойной службе (панихиде).

Акафист Казанской Богоматери символизирует великий подвиг Церкви, люди в столь тяжёлых условиях не сдались, не утратили веру. Оказавшись вновь в опасности, подобно 1612 году, в среде эмиграции с особым благоговением относились к Казанской иконе и соответственно этой книге. Не случайно именно этот акафист советуют читать священнослужители, когда вы нуждаетесь в заступничестве и помощи Богородицы. Во всех православных церквях священнослужители служат молебны и читают акафист Пресвятой Богородице Казанская, чтобы Богоматерь сохранила православный народ от всех бед и несчастий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анташкевич Е. М. Харбин. М.: Центрполиграф, 2012. 783 с.
2. Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М: Вече, 2009. 256 с.
3. Козлов М. М. Великая Отечественная война 1941–1945. М.: Современная энциклопедия, 1985. 832 с.
4. Крадин Н. П. Харбин – русская Атлантида. Х.: Хворов А. Ю., 2001. 352 с.

5. Львов В.В. Очерк ранних лет жизни нашего Первосвятителя, митрополита Филарета. Из сборника «Беседы о Священном Писании и о вере», Н-Й: Комитет русской православной молодежи, 1995. IV т.

6. Сладковский М. И. Новейшая история Китая. М.: Наука, 1984. 439 с.

Швец Алина

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Россия, Москва)*

Особенности костюма старообрядцев Молдовы

На протяжении всей истории человека у него была одежда. Изначально она использовалась как средство защиты тела от внешних факторов. По мере того как эволюционировал человек вместе с ним менялась его одежда, она начинала приобретать отличительные черты. Помимо деления на мужскую и женскую, которое было изначально, одежду украшали тем, что окружало человека. Впоследствии по таким украшениям и орнаментам можно было понять, откуда человек, как он живёт, какое у него благосостояние и т.д.

На костюм накладывают отпечатки процессы, которые происходят в культуре и государственной политике. Одним немаловажным фактором, который влияет на формирование народного убора является религия исповедуемая народом и связанные с ней реформы и изменения.

В XVII веке в России патриархом Никоном была проведена реформа, в ходе которой появились старообрядцы. Из-за гонений официальной церкви староверы были вынуждены, переселяться на окраины государства и в другие страны [Дмитриевский 2004: 37].

В Республике Молдова существует село Кунича, где проживают старообрядцы родом из России [Болученкова 2012: 72]. Они говорят на русском языке и хранят культуру своих предков, в том числе и костюм. В обычной жизни они используют привычную для нас одежду, но для похода в церковь существует определённый дресс-код. Для женщин – это длинный сарафан (бывает праздничный и повседневный), платок (также праздничный и повседневный), женская рубашка с длинным рукавом. Для мужчин: рубашка с длинным рукавом на выпуск, подпоясанная поясом, и брюки классического кроя. Так же одним из важных атрибутов костюма является лестовка, которая бывает женской и мужской [Донцов 2012: 16].

Данный костюм не является общим для всех старообрядцев, так как они не однородны и каждая община хранит свою культуру. Так же нельзя не учитывать тот факт, что какой бы закрытой общностью не были старообрядцы, они всё равно испытывают на себе влияние других культур, поэтому нельзя говорить о неизменности костюма, его консервации. При этом старообрядцы сумели сохранить своё культурное наследие и преумножили его благодаря синтезу с другими культурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болученкова 2012 – *Болученкова А.* Возникновение и развитие старообрядческих поселений на территории государства Молдова. Кишинёв: 2012 г. С.68-83.
2. Дмитриевский 2004 – *Дмитриевский А. А.* Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Донцов 2012 – *Донцов П.* Мир Старообрядчества Молдовы. Кишинёв: 2012г. С. 12-20

4. Старообрядчество // Русская вера. Старообрядческий сайт: РПсЦ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruvera.ru/staroobryadchestvo>

Боcharова Алиса

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Россия, Москва)*

**Место русской национальной оперы «Иван Сусанин» в контексте
культуры XIX-XX вв.**

Опера «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») в своей основе имеет исторический сюжет. Однако, само событие, а так же личность главного героя (Ивана Сусанина) до сих пор вызывают у историков множество вопросов и сомнений в достоверности произошедшего.

Впервые имя Сусанина упомянуто в Жалованной грамоте 1619 года, выданной царём Михаилом Федоровичем Романовым родственникам погибшего. Далее указы 1633, а затем и указ Петра I, датированный 1691, фактически дублируют текст первоначальной грамоты [Голденков 2009: 1]. Однако дата 1619 – несколько смущает историка Костомарова, заставляя задуматься, почему же лишь спустя 8 лет, это событие придается огласке [Костомаров 1903: 278].

Далее следует вопрос о самих поляках, оказавшихся в этих местах. Откуда же быть польскому отряду близ Костромы, на северо-востоке, если осенью 1612 войска интервентов двигались на запад?

Этот вопрос напрямую связан с этническим составом «польского отряда». По мнению польского историка Иеронима Грали, уверенность в том, что отряд полностью состоял из поляков, ошибочна. Так как этнически войско «ляхов» состояло из поляков всего лишь на 30%, остальные же были литовцами, белорусами, украинцами и немцами [Голденков 2009: 1]. Это подтверждают и

слова историка Р. Г. Скрынникова, который говорил о том, что скорее всего «отряд» был лишь польско-литовской шайкой, к которой присоединились бывшие тушинские наемники, солдаты и пр. [Скрынников 1988: 532].

Теперь стоит обратиться непосредственно к эпохе создания оперы М. И. Глинки и факторам, позволившим этой опере иметь большой успех и признание самого царя Николая I.

Одной из важнейших причин повышенного интереса к подвигу Сусанина являлся «польский фактор». В ноябре 1830 года в Царстве Польском вспыхнуло восстание против российского правительства, подавленное фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем в октябре 1831 года. На созданном политическом фоне было выигранно показать судьбу русского крестьянина - героя, ставшего жертвой поляков-интервентов.

Другой не менее важной причиной являлось создание в начале 30-х годов национальной идеи, получившей название «теории официальной народности». Созданная С. С. Уваровым теория провозглашала триаду, которая должна была стать основой идеологии Российской Империи: «православие, самодержавие, народность». Именно пункт, имевший наименование «народность» – должен был обратить внимание культуры на всё русское, национальное.

Идея создания оперы на национальный сюжет возникла у М. И. Глинки в марте 1834 года. Базировался замысел композитора на думе К. Рылеева «Иван Сусанин» (1823), которую композитору подсказал В. А. Жуковский [Глинка 1975: 53].

Работа над оперой началась уже в 1834 году. Изначально автором либретто должен был стать сам В. А. Жуковский, но ввиду своей занятости ему пришлось отказаться от работы. Новым либреттистом стал немец барон Е. Ф. Розен, который был рекомендован к работе самим императором Николаем I. Из этого

видно, что государь был заинтересован в опере, не меньше самого композитора.

На протяжении 1835-36 гг. продолжалась работа над созданием оперы. Но на финальном этапе возникли некоторые сложности, а именно – название. По замыслу самого композитора, о чём свидетельствуют его черновики, опера должна была называться «Иван Сусанин». Но впоследствии, по желанию императора, опера была переименована в «Жизнь за царя» [Глинка 1988:168].

Этот итоговый вариант названия свидетельствует о централизации фигуры царя, о напоминании того, что сам подвиг Сусанина совершался в первую очередь во имя царской особы. Это важно для данной эпохи – утверждение и укрепление монархии в глазах народа, через демонстрацию подвига обыкновенного крестьянина.

Премьера состоялась 27 ноября 1836 года. Император принял оперу с восторгом, однако общество, в том числе музыкальные критики, отреагировали на постановку весьма неоднозначно.

Таким образом, опера в своей первоначальной постановке, благодаря либретто излагала «царскую» версию подвига Сусанина и имела сложную идеологическую составляющую.

После революции опера была снята со сцены, а к её переработке никто приступать не собирался, ввиду её непригодности для большевистской пропаганды [Раку 2014: 127].

В 1920-е Асафьев выступает с призывом к тому, что «песенность и народность» нужны современности, и именно творчество Глинки может этому поспособствовать. «Реабилитация» этой оперы была отложена на неопределенный срок, а именно, до середины 1920-х [Раку 2014: 130].

В 1921 году в газете «Вестник театра», которой руководил В. Мейерхольд, впервые после революции появляется мысль об актуализации сюжета известного подвига Ивана Сусанина. Критик Н.Н. Фатов представил свою интерпретацию сюжета, предлагая перенести действие в 1920 год, в юго-западную часть Руси [Раку 2014: 133]. Здесь видно, как та идеологическая составляющая, заложенная в опере еще в XIX веке, трансформируется под нужды новой идеологической системы.

Повсеместно начались поиски «правильной» советской адаптации сюжета, длившиеся до 1930-х годов.

К концу 1930-х начался стремительный процесс переориентации с интернационального на национальный политико-культурный проект. Главной задачей было конструирование национальных идентичностей культур советских республик и образование новой идентичности «советского народа» [Раку 2014: 141].

В 1937 году начинается переделка либретто оперы С. Городецким. Изменено название, а так же трактовка образа Сусанина. Теперь он интерпретируется как «народный герой, погибающий за Русь, а не за царя» [Раку 2014: 143].

Главной задачей было превратить эту оперу в образец «советской классической оперы» [Раку 2014: 144].

Но на этом видоизменения постановок «Ивана Сусанина» в XX столетии не заканчиваются.

В 1940 году на волне советско-германских культурных связей между Большим театром и Берлинской Штаттоперой. Большой отправил в Берлин постановку «Ивана Сусанина», что было актуально ввиду отношений между Германией и Польшей. А Берлинский театр привез постановку «Валькирии» Вагнера [Кудабаева 2009: 1].

Постановку Д. Чернякова 2004 года в Мариинском театре. Её концепция совершенно иная. Поляков в ней нет, а сила противопоставленная Сусанину, – это «государственная машина». Это такой «осовремененный» вариант, который призван показать актуальность сюжета в 21 веке. Данный вариант основан на изменении системы ценностей современного общества. На смену прежнему противостоянию героя и врагов приходит противостояние семьи и государства [Третьякова 2004: 1].

Таким образом, можно сделать вывод, что искусство зависимо от политического курса, которому следует государство. Так или иначе, ему суждено затрагивать идеологию, воспевая то, что позволено и забывая о том, что запрещено.

Визуальность имеет свойство воздействовать на коллективное бессознательное [Раку 2014: 186], и опера, находясь в умелых режиссерских руках, может стать как средством познания, так и идеологическим оружием.

Но одно остается неизменным – музыка. Именно благодаря ей становятся возможны различные прочтения, интерпретации, постановки и другие всевозможные режиссерские эксперименты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка 1988 – *Глинка М. И.* Записки – М.: 1988.
2. Глинка 1975 – *Глинка М. И.* Полное собрание сочинений: Литературные произведения и переписка. Том 2А / Подгот. А. С. Ляпунова и А. С. Розанов. – М.: Музыка, 1975.
3. Голденков 2009 – *Голденков М.* Мифы о Сусанине // Аналитическая газета «Секретные исследования». – 2009 – №8.
4. Костомаров 1903 – *Костомаров Н. И.* Иван Сусанин. // Исторические монографии и исследования. Кн. I, Т. I – СПб.: 1903.

5. Кудабаева 2009 – *Кудабаева Р.* Культурный обмен под звуки Вагнера и Глинки // ВВС. – 2009.
 6. Скрынников 1988 – *Скрынников Р. Г.* Лихолетье. Москва в XVI-XVII вв. – М.: 1988.
 7. Третьякова 2004 – *Третьякова Е.* Что будем сохранять? // Петербургский театральный журнал. – 2004 – №3 (37).
 8. Раку 2014 – *Раку М.* Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. – М.: 2014.
-

Войшко Ната

*(РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славянской культуры
Россия, Москва)*

Русские народные традиции в советской фильмографии 1960-х годов

Во второй половине XX века работал гениальный режиссер – Александр Роу, который открыл перед людьми мир волшебства и сказок, умело заимствуя и трансформируя известные русские сказочные мотивы и сюжеты в современную реальность. Цель исследования продемонстрировать связь русских народных традиций с советскими киносказками 60-х годов на примере творчества А. Роу и двух его известных сказок: «Морозко» и «Варвара-краса, длинная коса».

Исследованием волшебных сказок занимался Владимир Яковлевич Пропп в своей работе: «Морфология “волшебной” сказки», которая вероятно послужила фундаментом для создания, Александром Артуровичем Роу, фильмов-сказок.

Главный герой «Морозко» А. Роя – Иван, появился в этом фильме не случайно, в народной версии сказки такого героя нет. На

мой взгляд, в нем заключена эпоха 60-х годов XX века, в которую и был создан этот фильм, этот молодой человек символизирует послевоенное поколение, которое потеряло своих отцов, это подмечается вначале фильма говоря, что он: «Иван, вдовый сын».

Так же есть темные силы, в данной сказке - это Баба-Яга (древнейший славянский мифологический образ), у нее одна функция – испытать главного героя, что и происходит в сказке «Морозко», кроме темных сил есть еще и Дарители: Дед Мороз, Морозко и т.д. [Пропп 1928: 27].

Итогом волшебной сказки должна стать свадьба (сказка всегда заканчивается хорошо, это ее отличительная черта). Используются древние композиционные приемы: 1) Присказка (Шутливый текст, не закрепленный за каким-либо мотивом. Его задача – привлечь внимание, подготовить слушателя к волшебному действию). 2) Концовка. Задача – вернуть слушателя в реальный мир, в жизнь [Пропп 1928: 145].

В фильме Роу выдерживаются каноны, которые выделил исследователь Пропп. Из женских типов выделяет: 1) Мудрую деву, которая обладает волшебными умениями и связана с силами природы (обычно превосходит жениха в уме и герою приходится ее завоевывать), она верная невеста, отказывает всем в отсутствии жениха; 2) Кроткую девушку или падчерицу, обычно младшую сестру, верную возлюбленную (ей обычно подобает низкий герой) [Пропп 1928: 73].

Настенька в фильме представлена как кроткая девушка-падчерица.

Во всех сказках есть герои, которые делятся на положительных и отрицательных. Положительный герой - это тип искателя, который добивается успеха и его изначальный социальный статус не имеет значения. Положительные герои представлены двояко: 1) Эпический

герой – благородное или необычайное происхождение, невиданная сила или раннее проявление благородства. 2) Низкий герой – ленивый или всеми презираемый дурак (это младший брат, во всех сюжетах он недотепа, но он одерживает верх над своими умными братьями) [Пропп В. Я. 1928: 109].

В его второй работе, «Варвара-краса, длинная коса», А. Роу обратился к известному сюжету сказки Василия Жуковского «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери».

Так же, как и в сказке-фильме «Морозко», здесь соблюдены разделения, которые присущи литературным сказкам. Герои делятся на положительных и отрицательных.

В результате исследования этих двух сказок можно говорить о заимствованиях и четкой связи русской народной сказки с сюжетами, реализованными в киносказках А. Роу. Но эти фильмы создавались в определенном историческом контексте, можно сказать государственного масштаба. Необходимо было протянуть нить между нынешним поколением и прошлым, для того чтобы восстановить связь поколений, которая была разорвана из-за Великой Отечественной войны. Другой целью, на мой взгляд, было стремление советской духовной элиты, представителем которой являлся А. Роу, вселить в людей надежду на светлое, позитивное будущее, на счастливый исход.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп 1928 – *Пропп В. Я.* Морфология сказки. Л.: Из-во "Academia", 1928. 492 с.

3. Сказка Морозко. [Электронный ресурс]. URL: <http://azku.ru/russkie-narodnie-skazki/morozko.html>

4. Сказка о царе Берендее. [Электронный ресурс]. URL: <http://azku.ru/zhukovskij-skazki/skazka-o-care-berendee-o-syne-ego-ivane-careviche-o-hitrostyah-koshheya-bessmertnogo-i-o-premudrosti-mari-carevny-koshhevoj-docheri.html>

5. Фильм-сказка «Морозко» 1964 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QTE1ognhT1o>

6. Фильм-сказка «Варвара-краса, длинная коса» 1969 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mrLSkNDZkMA>

Москальчук Данила

*(СПбГУ, Институт истории
Россия, Санкт-Петербург)*

К вопросу о предпосылках появления югославской модели социализма

Отдельное место в истории стран бывшей Югославии занимает т.н. «самоуправленческий социализм» или югославская модель социализма. Образование коммунистической Югославии можно отнести к 29-30 ноября 1943 года, когда власть в стране, раздираемой гражданской войной и войной с оккупантами, по итогам II сессии АВНОЮ (Антифашистское Вече Народного Освобождения Югославии) фактически перешла в руки Коммунистической партии Югославии (непосредственным главой АВНОЮ был Йосип Броз Тито). Однако о суверенной Югославии можно говорить только после полного ее освобождения от войск нацистской Германии и ее сателлитов в мае 1945 года и последующего принятия первой Конституции «новой Югославии» (ФНРЮ) 31 января 1946 года.

В историографии, посвященной Югославии коммунистического периода, в большинстве случаев началом развития самоуправленческого (или югославского) социализма выступает 1949 год. Однако зачатки этой социально-экономической теории¹ мы можем найти в Конституции ФНРЮ 1946 года. Что же сподвигло Тито и правящую элиту Югославии взять курс, отличный от СССР? На этот вопрос также нет общего мнения. В нашей статье мы рассмотрим наиболее предпочтительные теории происхождения югославской модели социализма.

Первое, что соблазнительно выступает в качестве основной причины – конфликт Йосипа Броз Тито с Иосифом Сталиным, имевшим место быть именно в тот момент, когда Югославия начала свое движение по самобытному пути развития. Это противостояние развивалось с огромной скоростью: если еще в 1947 году в записках, составленных в отделе внешней политики ЦК ВКП(б), указывалось, что «среди стран новой народной демократии Югославия занимает бесспорно ведущее место» [Югославия 2011], то на заседании Информбюро 29 июня 1948 года югославское правительство обвинялась в том, что «за последнее время [Югославия] проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики неправильную линию, представляющую отход от марксизма-ленинизма» [Совещания Коминформа 1998: 455-461]. Безусловно, такой поворот событий не был желателен для Тито. Югославия на тот момент испытывала острый недостаток ресурсов в проведении мероприятий по усилению темпов индустриализации. Советско-югославские договоры о взаимопомощи, которые были подписаны в 1945 году, уже в 1949 году были аннулированы. Из Югославии в Советский Союз возвращались военные и гражданские специалисты, которые должны были оказывать помощь и консультировать растущие и вновь создающиеся предприятия. Югославия оказалась фактически в экономической

¹ Уже после 1950-х годов можно говорить о югославском социализме как и о политической теории.

изоляции от социалистических стран. Однако это все не повлияло на внутреннюю политику, проводимую Коммунистической партией Югославии.

Параллельно с событиями, разворачивающимися в Информбюро, в июле 1948 года на V съезде КПЮ с докладом «О строительстве социалистической экономики ФНРЮ» выступил Борис Кидрич – председатель плановой комиссии. В этом докладе Кидрич, используя статистические данные, поставил вопрос о децентрализации экономики Югославии, тем самым было положено начало самоуправленческому социализму в Югославии, а уже в выступлениях Эдварда Карделя в июле 1949 все это официально оформилось в «югославскую концепцию самоуправления» [Кузнечевский 1990: 19].

Что же представляла собой югославская концепция социализма? Начать стоит с Конституции ФНРЮ 1946 года, а именно с четвертой главы Конституции ФНРЮ «Общественно-экономическое устройство», в которой подробно описано положение частного сектора экономики, которая была гарантирована государством. На тот момент, когда страна проходила трудный путь форсированной индустриализации², такое положение требовалось чтобы, во-первых, снизить уровень общественного недовольства, во-вторых, правительство Югославии, принимая во внимание процесс коллективизации в СССР, не хотело повторения такого кровавого сценария. С этого момента можно говорить уже о зачатках «югославской модели социализма». Безусловно, на официальном уровне не позиционировались эти шаги по восстановлению экономики как отдельное социалистическое учение. Конфликт Тито со Сталиным, о котором мы говорили выше, стал неким катализатором, ускорившим отход Югославии от той социалистической модели экономики и общественного устройства, по

² Данные о с/х в процентах.

которой жили практически все страны соцлагеря. Но это не означает, что первостепенной причиной того, что Югославия пошла иным путем развития, стали итоги заседания Информбюро 29 июня 1948 года.

Как мы уже упоминали выше в 1948 году Борис Кидрич, председатель плановой комиссии, выступил с докладом о децентрализации экономики. В правительстве Югославии уже давно зрели проекты по освобождению экономики от бюрократии и директивного планирования и ценообразования. Этот процесс и стал называться самоуправленческим социализмом. Во главе проведения политики самоуправления стали Тито, Кардель и Кидрич. Основными положениями югославской модели социализма в период 1946-1953 гг.³ являлись ускорение темпов индустриализации и поддержка аграрного сектора экономики за счет введения самоуправления на производстве: предприятие само решало сколько, чего и как выпустить и кому продать. Именно в этот период югославский социализм концентрировал свое внимание больше на экономике. Югославское правительство столкнулась с большими препятствиями в ходе проведения мероприятий по увеличению темпов индустриализации. В первую очередь это касалось того факта, что Югославия еще до войны оставалась аграрной страной.

После разрыва с Советским Союзом и другими соцстранами Югославия лишилась большой экономической поддержки. Именно в этот момент США начинают помогать ей кредитами, которые практически все пошли на укрепление обороноспособности страны, но не на развитие мирных отраслей экономики [Кузнецовский 1990: 94]. Параллельно с этими событиями, в Югославии из-за коллективизации, оттока большого количества рабочих рук из села в город и природных условий прокатилась волна митингов и

³ Автор делает акцент на этом периоде, так как считает, что именно тогда были заложены основные тенденции развития югославского общества и экономики.

демонстраций за отмену колхозов. В 1954 году количество колхозов сократилось в 7 раз (с 7 тысяч до 1 тысячи), а остальную землю поделили между собственниками и семьями.

Принцип самоуправленческого социализма заключался в предоставлении больших автономий предприятиям в решении многих вопросов. Касалось это в первую очередь планирования выпуска продукции, цены на нее и рынка сбыта. Югославия, юридически оформленная как федерация народных республик, имела возможность создать условия, когда товары предприятия одной республики шли не на общий рынок, а потреблялись в основном другой. Однако надо отметить и тот факт, что самоуправление проникло в югославскую экономику не сразу и не на все предприятия (на начальном этапе было задействовано 215 предприятий).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что югославская модель социализма зародилась еще до официального объявления её на высшем уровне в 1949 году, поэтому говорить о югославской модели социализма, как о последствии конфликта между Тито и Сталиным в полной мере не приходится. Уже позже самоуправленческий социализм, действующий в рамках плана «четырёх Д» – децентрализация, деэтатизация, демократизация и деполитизация, проникнет не только в экономическую сферу, но и в политическую и послужит одной из причин разграничения и отделения республик-субъектов коммунистической Югославии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнечевский 1990 – *Кузнечевский В. Д.* Эволюция югославской концепции социализма. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1990. – 188 с.

2. Сопещания Коминформа 1998 – Сопещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. / Редакторы: Г.М.Адибеков, А. Ди Бьяджо, Л.Я.Гибанский, С.Понс. Ответственный секретарь И.Ю.Новиченко. М.: РОССПЭН, 1998. – 800 с.
3. Югославия 2011 – Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. – 888 с.